
СОДЕРЖАНИЕ

Т. Горичева-В. Кривулин. Евангелические диалоги.	стр. 3
<u>Философия, теология</u>	
А. и Б. Проблемы современного христианства /личная переписка/	стр. 9
<u>Поэзия</u>	
Борис Куприянов. Стихотворения из сборника "Мечта и молитва"	стр. 23
Поэма "Возвращение Лисистраты"	стр. 35
Олег Охапкин. Борис Куприянов /лирический очерк/	стр. 42
Александр Миронов. СТИХИ.	стр. 51
<u>Проза</u>	
Александр Миронов. Pieta	стр. 64
СКАЗАНИЕ О СВЯТОМ АНТОНИИ	стр. 75
ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ПИМЕНА ВЕЛИКОГО	стр. 82
СЛОВО ИОАННА ЗЛАТОУСТА НА ДЕНЬ УСЕКНОВЕНИЯ ЧЕСТНОЙ	
ГЛАВЫ СВЯТОГО ИОАННА ПРЕДТЕЧИ	стр. 100
<u>Публикации</u>	
Казимир Малевич. К новому лику	стр. 112
<u>Наука</u>	
Л. Рудкевич О вере /этологический этюд/	стр. 115
<u>Переводы</u>	
Мартин Хайдеггер. Феноменология и теология.	стр. 129

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Горичева Татьяна Михайловна /теология, философия, переводы/
Кривулин Виктор Борисович /поэзия, проза, публикации, хроника/
Рудкевич Лев Александрович /научный отдел/

Запрещена перепечатка отдельных материалов без разрешения редакции "37"

"Тридцать семь" выходит в Ленинграде ежемесячно

ЕВАНГЕЛИЧЕСКИЕ ДИАЛОГИ

III

Итак, БОДРСТВУЙТЕ, ПОТОМУ ЧТО НЕ ЗНАЕТЕ, В КАКУЮ СТРАЖУ ГОСПОДЬ ПРИДЕТ.

НО ВЫ ЭТО ЗНАЕТЕ, ЧТО ЕСЛИ БЫ ВЕДАЛ ХОЗЯИН ДОМА, В КАКУЮ СТРАЖУ ПРИДЕТ ВОР, ТО БОДРСТВОВАЛ БЫ И НЕ ДАЛ ПОДКОПАТЬ ДОМА СВОЕГО.

ПОТОМУ И ВЫ БУДЬТЕ ГОТОВЫ, ИБО В КОТОРЫЙ ЧАС НЕ ДУМАЕТЕ, ПРИЙДЕТ СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ.

Мф. 24, 42-44.

I. В ОЖИДАНИИ ДНЯ ВОСЬМОГО

В. К. Какие-нибудь шестьдесят лет – и 20 веков истечет с того дня, как были произнесены эти слова Христа. Двадцать веков, которые прошли в ожидании последнего дня человечества. Конца света ждали сначала апостолы и близкие к ним /так Иоанн Богослов надеялся, что так и не умерев встретит второе пришествие/, затем, по мере проповеди евангелия, круг ожидающих становился все шире, распространяясь в пределах Римской империи, на север Африки и на север Европы и дальше – в Европу восточную, в Иран и в Индию, и дальше – вплоть до Японии и островов Тихого океана, по Австралии и обеих Америк.

Были годы, когда ожидание достигало критических точек: крестьяне бросали поля, а ремесленники – мастерские и даже бароны покидали замки, чтобы слиться с толпой людей, одетых в белое, с пальмовыми ветвями в руках. Так было в юбилейном 1000 году и в юбилейном 13000. Так было в конце рациональнейшего 17 столетия, когда ожидали предсказанного Нострадамусом Страшного Суда.

И ждем теперь мы, стремясь, подобно людям прошлого, истолковать малейшее указание /вроде формулы "мир и безопасность" или факта изобретения ядерного оружия/ как первый признак начавшегося

второго пришествия. Можно сказать, вся история европейской цивилизации есть история ожидания конца света и в этом смысле мы европейцы.

Неповторимость рождения Христа "подтверждена" данными новейшей науки: речь идет о Вифлеемской звезде, когда сочетание трех планет создало визуальный образ звезды такой яркости, которая не может быть повторена, ибо никогда – никогда больше! – три планеты /Марс, Венера, Меркурий/ не смогут прийти в тоже положение относительно друг друга, как это было во 2 году н. э.

Т. Г. Бога, которого ожидали с таки нетерпением, столь же поспешно и похоронили на рубеже последних веков. Однако эсхатологическая одержимость проглядывала из всех щелей безжалостно разбитого космоса. Ожидание Бога стало личным делом каждого, только теперь оно донашивает мирские одежды бытия – к – смерти.

Смысл жизни – в пограничной ситуации – в ее смерти. Готовности умереть учит нас современная философия. Смерть безразлична к разнообразию времени и места. Она всегда возможна и поэтому всегда здесь. Как хитрый и опытный вор, приходит она, опровергая собой ницшеанское искусство "вовремя умереть". В экзистенциальном страхе перед смертью нет страха физического уничтожения, но есть страх потерять возможность, "последнюю и наиспособнейшую" возможность бытия, которая может быть, и заключала в себе весь смысл жизни. Смерть разрушает все определенные и жизненно устойчивые смыслы, чтобы кончина обнаружила для нас единственный, неуничтожимый и непонятный, придающий целостность всему бытию смысл, она парализует бег истории и паранойю событий, указывая на одно единственное интересное для нас событие и единственно интересного для нас Человека, навсегда победившего смерть.

В. К. В истории человечества произошло только одно событие, сообщившее ей исторический вектор, разорвавший колесо бесконечных повторяемых циклов, сообщившего надежду всякому, вне зависимости от степени его греховности. Святость не спасает от смерти, святость так, как ее понимают и джайны и буддисты и йоги состоит в том, что смерть приходит незамеченной. Святой становится Богом, теряя себя, растворяясь в океане мирового духа. Надежда на личное бессмертие, пришедшая в мир с Христом, по сути дела отрицает святость как состояние окончательной приближенности к Богу. Человек как образ Божий не может стать Богом, но высшая его цель – стать вечным любящим другим и Богом. И поэтому, эсхатологизм, пронизывающий христианскую историю, двунаправлен: это и тайное призывание судного дня: "Гряди, Иисусе", и страх его: и чем острее это противоречие – тем ближе Страшный суд. Эсхатологизм для современного человека реален даже в большей степени, чем для современника Иоанна Богослова, ибо сегодня он облачен в зримые, физические одежды, и современный человек знает об изобретении орудий, способных уничтожить все человечество. Сами люди становятся для себя ангелами Божьего гнева. Тайное призывание имени Божьего и острое желание конца земной истории. И если история не имеет единственного заложенного в ней смысла, если действительно "Будды и Христы рождаются не часто", как считают индийские гуру, то история не имеет смысла, и жизнь каждого бессмысленна.

Т. Г. Смерть держит нас над хаосом небытия. Спасение в качестве единственного Человека приходит, но каждый раз его знаменья разглядеть труднее, чем лицо земли и неба. Бытие Христа находится где-то за пределами того времени, которое исследуется, измеряется и конструируется "фактическими науками". Поэтому не так уж важно,

обнаружит ли Христа недоверчивая историческая наука – имеющий уши всегда услышит в потоке слов единственное и несмолкающее Слово, а бодрствующие и зоркие разглядят за блестящими, но иллюзорными покровами реальность, которая и есть Христос, реальнейший из нас. Христос противостоит смерти, как жизнь, а не как бытие. Нет в Боге той одновременно успокаивающей и пугающей анонимности пантеистических систем. Он конкретен, и конкретность его – не изобретение отдельных теологически одаренных умов. "Христа невозможно изобрести" – а потому он конкретнейшее, наинтимнейшее содержание нас самих. Христос – не бытие, не исторический персонал, не идеал, он – сама реальность, и благодаря ему реальны и мы.

І. БЕГСТВО ЗИМОЙ

Т. Г. За-бытие – вот в чем грех человека. Густой туман беспамятства закрывает фаворский свет, этот знак постоянного присутствия Бога. "Бодрствуйте, - призывает нас Спаситель, - ибо дух бодр, плоть же немощна". Тяжесть и неоправданность страсти, являющая себя в пустоте энтузиазма или безысходности скуки, но не в меньшей степени дремотное состояние невинности, пленительной гармонии /видимой гармонии/, одержимость и безразличие – вот формы сна, вот горькая истина, открытая нам словами Гераклита "и бодрствуя, они спят". Бодрость тоже основана на гармонии, но эта та скрытая гармония, которая лучше явной. И путь к ней один – смирение. Смирение /см ре / – произошло не от мира, а скорее всего от "меры" и ориентирует нас поэтому на греческое [1] – соразмерность. Симметрична форма помнящей о Боге души. Ясные и спокойные линии ее не искажены соматической тяжестью и психическим воодушевлением. Ведь Иисусова молитва спасает нас не только от сердечной тупости, но и от сладких порывов воображения.

1. [Пробел в машинописи.]

Трезвить свой ум особенно важно сейчас, во время безмерного нигилизма и высокомерного самовозвышения. За-бытием меры находятся всеыные сферы жизни: самоуверенная наука, растерявшаяся философия и опустошенное искусство.

В. К. И все же не только умное делание трезвит нас, не только непосредственные молитвы, но и любое дело, делаемое честно и до конца, любое человеческое занятие, которое не порабощает собой душу делающего, а принято им, как крест, без надежд на плоды и всходы, – любое человеческое дело, кроме делания зла. Ибо всякий должен остаться в последний час на своем месте: "И кто на кровле, тот да нисходит взять что-нибудь из дома своего, и кто на поле, тот да не обращается взять одежды свои" /Мф. 24, 20/. Всякий должен встретить этот час лицом к лицу. Это состояние встречи с Божиим судом Иисус называет бегством: "Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою или в субботу" /Мф. 24, 20/. И только святые места надлежит в этот час покинуть: в них поселится мерзость запустения, и только находящиеся в Иудее, т.е. на духовной родине, должны ее покинуть: "и тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы" /Мф. 24, 16/.

Т. Г. Бегство зимой, когда сердце леденеет, труднее, чем в другое время; быстро бежит грешник, но еще быстрее бегут грехи его. Вот, казалось бы, благоприятный сезон для бегства – поэзия; сфера вознесенного к Богу горения и воодушевления. Но приглядитесь к поэту, так ли уж "безнадежно" несет он крест свой? Не откладывает ли он свое бегство на будущее, на грядущую встречу с Богом, там, в далеком и неуютном царстве религиозного? И вот он впускает в свой дом множество грабителей: сладкую фантазию, горькое разочарование, тщеславие и забытие – все они растаскивают

его бодрствование на мелкие кусочки. Спросим себя, можно ли доверять делу своему, не зная об "умном делании" и любви, умея любить лишь себя. Религиозный человек имеет за ушами "вторые уши", не исключено, что у него есть и третий глаз на лбу.

В. К. Но бегство лишит человека всего, и не на что будет опереться, кроме всепрощающей милости Господа, – ни на ненужный уже духовный слух, ни на бесполезное уже виденье третьим глазом, потому что в последний час Гнев Божий будет зрим всем, а голос гнева Его достигнет наигрубейших, наиплотчайших ушей. Живя, мы уповаем, что наше телесное существо как бы противостоит нашему телу духовному; нам есть во против чего бороться, есть от чего отречься, но бегство зимой и бегство в субботу случится как незаконный переход границы, как отречение от родины, – тогда мы попадаем в область с иными законами, в область, где грань между телесным и духовным стерта, но проведена другая делящая черта. И никакие пророчества, никакое знание будущего и прошлого, никакое ведение пропастей или высот горных не заслонит явления лица Божьего, единственную реальность, которая противостоит всяким догадкам о сокровенном и любым прозрениям о возможное сделает реальным – как зло, так и добро.

ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ХРИСТИАНСТВА

Личная переписка

Ф. Бэкон заметил, что час беседы иногда приносит больше, чем целый день уединенных размышлений. Сегодня он мог бы сказать: больше, чем месяц, чем год, чем вся жизнь в склерозе идейного обмена. В этой подборке – опыт тематической переписки о самом важном на свете. Не все уцелело. Некоторые письма изъяты по воле их автора. Сокращения внутри писем сделаны только там, где текст не имеет совсем уж никакого отношения к данной проблеме.

Все темы остаются открыты для дальнейшего обсуждения и могут быть открыты новые темы. Опыт может быть удачен, если будет иметь продолжение.

Тема:

ХРИСТИАНСТВО ДЛЯ ВСЕХ

" " "

Дорогой Б.! Призываю Божие благословение на наш общий труд – переписку о проблемах современного Христианства. Как мы условились, я изложу сначала мои соображения на тему "Христианство для всех"; но, разумеется, что круг вопросов может быть в дальнейшем расширен и остается открытым для всех, кто пожелает принять участие в этой работе. Для меня драгоценна возможность общения с людьми, которые

соединяют в себе свежесть восприятия Христианства с высокой интеллигентностью. Со своей стороны могу дать полезные справки из церковного опыта; но в других отношениях Вы увидите во мне довольно-таки "простого" человека нашего времени. Что ж, именно в таких сочетаниях может быть свой смысл... Главная опасность, которая нам угрожает – изобретение велосипедов. При недостатке информации это неизбежно; ! но, продолжая сравнение – ведь надо же нам ехать!.. Приступаю к делу с надеждой, что в свободной дружеской дискуссии восполнены будут мое неумение и глубокое личное мое недостойнство.

" " "

ХРИСТИАНСТВО ДЛЯ ВСЕХ – так можно назвать проблему универсальности Христианства. В обычном значении слова наше Христианство – не для всех. Христианство есть ВЕРА – вера в Божественность Иисуса Христа. Из этого происходит и с этим связано все остальное в христианской религии. Если бы кто-то сегодня совсем не знал Символа веры и других наших догматов, но исповедовал веру в Божественность Христа – надо было бы назвать этого человека христианином. Христианская вера родилась в чуде Воскресения и в чудотворном воздействии Божественной благодати. В дальнейшей истории Христианская вера в Божественность Христа передавалась в "доверии" /пользуюсь Вашим термином/ – в церковном воспитании, семейном и литургическом, в народно-бытовой религиозности, соединяясь с личным душевным опытом человека, часто снижаясь до только привычного холодного исповедания, иногда же вспыхивая в озарениях непосредственной интуиции. Известные нам два выдающихся священника достойно представляют Христианство наследственной веры. Яркий пример НОВОГО обращения в христианскую веру –

митрополит Антоний /Блюм/, как и сам свидетельствовал об этом на лекции в Московской Духовной Академии 2 декабря 1966 года. Мальчику было 15 лет, он не верил, активно не верил в Бога. Случайно ему пришлось поневоле прослушать неудачное выступление священника. Дальше цитирую стенограмму:

"...Опыта с молодежью у него не было никакого, хотя богослов он был очень большой. И то, что он нам говорил, меня так глубоко возмутило, такое негодование вызвало, что когда он кончил, я и не думал оставаться с товарищами, а решил прямо ехать домой и попробовать удостовериться, на самом ли деле Христос – то, что он нам говорил, и на самом ли деле христианство – та отвратительная, мерзкая, противная вещь, которую он нам описывал. И я ехал с очень глубоким чувством ненависти ко всему. Вернувшись домой, я спросил мать, есть ли у нас Евангелие, которое она мне дала, отправился в свой угол и, не ожидая ничего доброго от Евангелия, все равно решил просчитать главы и прочесть самое короткое, – и поэтому начал читать Евангелие от Марка. И вот тут я вам не могу объяснить, что случилось. Кто знает – поймет, а кто не знает – все равно не поймет. Случилось то, что между первой и третьей главой Евангелия от Марка, пока я читал, мне стало совершенно конкретно ясно, что по ту сторону моего стола стоит Живой Христос. Когда у нас был диспут в нашей молодежной группе, куда я пригласил председателя Союза Безбожников Англии, он мне сказал, что если вы верующий, значит вы сумасшедший; может быть, и вы скажете, что такой подход не объясняет ничего. Он не объясняет. Это просто факт моей жизни, и это, что случилось тогда, осталось при мне и до сих пор. Это совершенно ясное сознание, что Он ТУТ, более реальный, чем эта кафедра или что бы то ни было другое. Ну, а дальше – дальше это уже было не приобретение веры, а только какой-то

пир..."

Это же необычайное свидетельство зафиксировано в автобиографическом интервью митрополита Антония /помещено в книге "Школа молитвы", перевод с английского/:

"...Едва я начал читать и еще не дошел до третьей главы, я вдруг почувствовал около моего стола некое Присутствие. И чувство, что это был Христос и стоял тут, было так остро и сильно, что уже никогда не покидало меня. Это и был настоящий поворотный пункт. Христос жив, и я знаю, что Он приходил ко мне, и поэтому могу сказать с уверенностью, что все, сказанное в Евангелии о распятии Пророка из Галилеи, - истинная правда, - и центурион понял правду: "истинно Человек сей был Сын Божий..."

Ясно, что не чтение Евангелия само по себе было причиной такого события. Другой может сколько угодно перечитывать эти три главы по Марку – и не ощутит никакого Присутствия. Нет, здесь совершилось особенное действие Божественной благодати, и это было принуждающее откровение, нечто подобное обращению Савва. Так это и понял сам митрополит Антоний: "...Я столкнулся с Богом, мне некуда было от Него уйти, когда я просто, ну, ударился об Него" /стенограмма/. "Невероятный факт Воскресения из мертвых обладал для меня большей достоверностью, чем любое историческое событие. Истории я должен верить, а Воскресенье я знал, как достовернейший из фактов" /интервью/.

Здесь мы имеем выдающийся пример, когда вера является воистину "уповаемых извещением, вещей обличением невидимых" /К Евреям, гл. II/. Такая в сущности принуждающая вера-знание, вера-уверенность есть особенный дар благодати, избрание, призвание. "Он имел одно видение, непостижимое уму" ... Ответом мальчика было вся

жизнь, посвященная служению. Я говорил вам об одном моем недоумении по тому поводу, но оно не меняет существа дела.

Для нашего времени это был совершенно исключительный случай. Обычно у нас – гораздо более свободная, но зато и весьма "хрупкая" /выражение М./ интуиция Божественности Христа. Было бы чрезвычайно интересно услышать, а еще лучше – прочитать рассказы о своих обращениях христиан нашего времени. О себе могу засвидетельствовать, что в моей наследственной вере неразлично совмещаются кое-какие личные интуиции и богатство церковного опыта. В общем должен сказать, что я уже просто не мог бы, органически не мог бы отнестись ко Христу, как только к святому человеку. Для меня Он – Человеческое лицо Бога" ... Это таинственно, невыразимо.

Но есть у меня недоумения, и временами очень меня смущают некоторые моменты земного, человеческого УНИЧИЖЕНИЯ Иисуса Христа. Речь идет не о внешнем унижении. Начиная с ясель, оно трогательно бесконечно и может явиться источником благоговейного подъема духа. Но в Евангелиях записаны и такие признаки душевной ограниченности, что ли, Иисуса, которые никак не вписываются в наш религиозно-поклоняемый образ Божественного Человека. Это некоторые черты еврейского национализма, а также и несбывшиеся предсказания о том, что вместе с разрушением Иерусалима последует Второе Пришествие и космическая катастрофа. Учитель выступает против личного богатства, против законнической Субботы, против торговли в храме; но Он не осуждает институт рабства, кровавых иудейских жертвоприношений. Не нужно быть вегетарианцем, чтобы ощутить всю соблазнительность предположения, что у Христа на земле не было чувства сострадания к животным /заклание ягненка для Тайной Вечери, рыбная ловля, ставшая столь недостойным символом

христианской проповеди/. Правда, можно возразить, что самый дух евангельских поучений ведет к безграничному милосердию, а стало быть, к уничтожению рабства и кровавой жертвы. Можно предположить также и то, что были в отдельности верные предсказания о разрушении Иерусалима и о Втором Пришествии, а в предании они слились... Мы готовы скорее усомниться в точности Евангелий, чем в личном всесовершенстве Иисуса. В целом, по-видимому, надо все же признать, что мы не отдаем себе отчета во всей подлинности земного уничтожения Христа и недостаточно оцениваем всю безмерную значительность того События, которое РАЗДЕЛЯЕТ состояние уничтожения и состояние славы нашего Господа. ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО – это и было освобождение всякой человеческой, местно-исторической, ДУШЕВНОЙ ограниченности, Восшествие в Божественную силу одесную Отца. Туда ведь и направлена сегодня наша молитва.

В размышлениях о Христе мы произвольно смешиваем состояние уничтожения и состояние славы. Такое же смешение произошло и в самих Евангелиях, написанных в обратном свете Воскресения. Если принять, по Евангелиям, что Христос на земле действительно СОЗНАВАЛ свою Божественность, действительно ПРЕДВИДЕЛ Свое Воскресение – то ведь тогда все Его ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ переживания, искушения, страдания оказываются просто ИЛЛЮЗОРНЫ! Но в Евангелиях сохранилось свидетельство о совершенно ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ самосознании Иисуса – Его ответ богатому юноше: "Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог" /Матф., 19, Марк, 10; Лука, 18/. Так сокрыта, так ПРИВИДЕНА была в человеческом Самосознании Христа Его Божественность. Вспоминается пророчество: "Род же Его – кто изъяснит?" /Исайя, 53/. Что и говорить – тайна Личности Христа сверхразумна.

В определенном смысле можно сказать, что сами Евангелия есть уничижения Христа. Говорю это, конечно, не о литературной форме. Оскар Уайльд написал в "ДЕ ПРОФУНДИС": "...Венчание венцом терновым – удивительнейшее событие в книгах всего мира". Так и все повествования о Страстях Христовых и вся евангельская история – удивительнейшее событие в книгах всего мира, литературное Чудо. Это – специальная, отдельная тема. Но Евангелия вместе с тем есть уничижение Христа – в том смысле, что несут в себе несовершенства и условности человеческого предания. И, вот сегодня, через две тысячи лет, мы не можем уверенно различать, где в Евангелиях подлинное слово и дело Учителя, а где – проповедь о Нем в ранних иудео-христианских общинах. И мы не можем уверенно различать – что в действительности, так сказать, фотографически и фонографически БЫЛО за евангельскими иконами Иисуса Христа.

Таковы недоумения, с которыми сосуществует хрупкая, но неразрушимая интуиция моей веры. Благодарение Богу, она остается со мной, но в этих трудных, порой мучительных раздумьях я мог вполне оценить положение тех, у кого НЕТ дарованной нам, христианам, благодати веры в Божественность Иисуса Христа. Можно с натуры описать весьма симпатичного представителя какой-либо нехристианской народной или самодельной религии. У человека могут быть самые возвышенные /полученные из христианства!/ представления о Боге, но самая мысль о личном тождестве Бога и еврейского Учителя для него – "нестерпимомифична", "невыносимо – провинциальна"... И никакие рассуждения и дискуссии, конечно, тут не помогут. Надо, кстати, заметить, что есть и многое другое, что закрывает христианскую религию от простого человека нашего времени. Это – большая, отдельная тема. Непременно нужно все это расчистить,

устранить недоразумения, лишние препятствия на пути веры; но все это будет напрасно, если не будет самой веры, благодатной веры в личную Божественность Иисуса Христа – веры, которая дается не ВСЕМ. Подчеркиваю, что это не только мое личное мнение, – это авторитетное церковное суждение. Апостол Павел написал, что "никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым" /К Коринф. I, 12/. И в наши дни митрополит Антоний повторяет, что "никто не мог бы узнать в галилейском Пророке Сына Божия, вочеловечившагося, воплотившагося, если бы Дух Святой не показал, не научил нас поклоняться Ему и передать себя Ему в руки" /"Школа Молитвы"/...

Итак, надо со всею определенностью признать, что ХРИСТИАНСТВО-ВЕРА – есть явление, если можно так выразиться, элитарное – это не христианство для всех.

" " "

Пробую вообразить себе современного человека, который уже понял неправду атеизма, уже уверовал в Бога, уже принял этические принципы христианства – но не имеет благодатной христианской веры и ВЫБИРАЕТ себе религию. Надо бы предложить ему подумать над тем, что я называю для себя условно ХРИСТИАНСТВОМ НАДЕЖДЫ. Конспективно это может выглядеть так:

"... Не будем говорить о Вере, подумаем о НАДЕЖДЕ. Условимся: мы НЕ ЗНАЕМ, что думать нам об Иисусе из Назарета, о таинственном появлении Христианства в истории. Это не мешает нам признать, что нет ничего ПРЕКРАСНЕЕ символов христианства, за которыми можно почувствовать Реальности абсолютного значения. В религиозно-чтимом образе Христа олицетворяются и совмещаются две

правды: любовь Бога к человеку и любовь человека к Богу – такая любовь, такая духовная красота человечности, которая драгоценна перед Богом, достойна абсолютного сверхбытия, Божественной славы... В образе Матери Божией олицетворяется святое Материнство всех матерей на свете, - и вместе с этим олицетворяется исходная святость Творения, "Земля-Владычица" /В. Соловьев/. Христианство есть символизация самых глубоких реальностей бытия. СВОБОДА, свобода – перед нею бессильно Божественное всемогущество; и только ЛЮБОВЬ, Божественная и человеческая ЛЮБОВЬ, страдающая, жертвенная ЛЮБОВЬ таинственно побеждает зло свободного мира. ЕДИНСТВО, иногда столь живо ощущаемое нами духовное ЕДИНСТВО людей доброй воли, приобщает всех к радости этой победы... Только в символах Христианства – единственная заслуживающая этого слова НАДЕЖДА человеческого существования, и мы НАДЕЕМСЯ, что за этими символами – истинная правда, самая суть действительности".

Глубокий религиозно-символический оптимизм. Здесь могли бы найти прибежище свободные души, которые уже вполне оценили КРАСОТУ ХРИСТИАНСТВА, но которым не дано еще благодати личного отношения к Христу. Пусть это будут пока христиане без Крещения – "оглашенные" двадцатого века. Отнюдь не следует смотреть на них свысока. Мы веруем /это нам даровано, это не наша заслуга/ в личную Божественность Человека, ходившего по нашей земле, распятого при Понтийском Пилате; но во всем остальном сами мы, христиане веры размышляем все более и более символически. Это трудная, отдельная тема. Вероятно, тут плодотворны аналогии с новой поэзией, с новой живописью, вообще с новым искусством; но я ничего в этом не понимаю. Пока что это – не искусство для всех. Так и

описанное "символическое" Христианство надежды – это не Христианство для всех.

" " "

Есть третье значение слова "Христианство". Христос – Вечный, Божественный Человек, и Христианство в этом третьем значении слова есть стремление к осуществлению идеальной человечности. Не осуществление – это было бы Христианство только святых, - а воля, стремление. Это и есть Христианство для всех.

Христианство для всех – это не этическое "учение" Евангелий, а сама ЖИЗНЬ в стремлении к Идеалу человечности, который выражен, конечно, и в евангельской проповеди, но и независимо от этого пребывает в душе человека. Этот идеал – Христос, не только евангельский образ Христа, но Сам Христос, присутствующий в единосущном Ему человечестве доброй воли. "И вот – Я с вами во все дни до окончания века. Аминь" /заключительные слова Евангелия по Матфею/. Христианство для всех – это не "подражание Христу", это звучит претенциозно, и это было бы невозможно для всех, ибо слишком высоко, а также потому, что в Евангелиях нет законнического образца поведения на все случаи жизни. Не подражание, а ТВОРЧЕСТВО каждого в меру своих способностей и возможностей – в широчайшем диапазоне от подвига совершенного самоотречения до евангельской чаши воды /Матф., 10/. В "Слове о культуре" О. Мандельштам написал, что "теперь всякий культурный человек – христианин"; не знаю, в каком смысле это понимать, но вот уж со всей определенностью могу утверждать, что сегодня всякий истинно порядочный человек – христианин. Очень трудно быть истинно порядочным человеком во всех отношениях. Это отдельная тема.

У Достоевского где-то вскользь сказано, что одно дело –

убеждения человека, а другое дело – Сам человек. Христианство для всех – это "САМ ЧЕЛОВЕК", независимо от его поверхностных "убеждений", подлинная глубина существования. Это "Церковь доброй воли", открытая для всех людей на всех уровнях духовного и интеллектуального порядка, во всех религиях и без религии. Тому, кто возразит, что нельзя говорить о Христианстве без веры в Христа – я отвечу, что исхожу именно из веры во Христа. Апостол написал: "Ибо един Бог, един и Посредник между Богом и человеками – Человек Христос Иисус" /К Тим. I, 2/. Мы веруем, что явление Бога в мире и встречное Восхождение Человека в Божественную славу совершилось в самой глубокой Реальности бытия – в ЛИЧНОСТИ. Но нельзя ограничивать Посредничество Христа только теми избранниками благодати, кому Он открылся как личность. Нет, дана Ему всякая духовная власть, на небе и на земле /Матф., 28/. Христос – единственный Посредник ДЛЯ ВСЕХ, для всего человечества доброй воли. Иначе получился бы абсурд – что Христос не единственный посредник, а Препятствие для подавляющего большинства людей! Так и думал блаженный Августин /к счастью, заблуждаясь/, когда писал, что без веры во Христа все добродетели – только блестящие пороки. Нет, именно из веры во Христа и следует, что ничего доброго на свете не делается без Христа. Пора оставить наконец унизительное представление, что Христос будто бы Начальник некоей провинции крещеных и потому "спасаемых", а не Глава всего человечества доброй воли. Вы читали мне выписки из раннехристианских апологий, что и до явления Христа в людях доброй воли действовал Божественный Голос. Как же можно отрицать это сегодня? Все лучшее в нашей человечности, всякое наше стремление к духовной красоте, всякое движение любви и доброй свободы, все это таинственно приобщает нас к абсолютности

Вечного человека. Должен сказать, что мне очень повезло в жизни – я встретил хороших людей, само воспоминание о которых возвышает душу; а среди них есть и атеисты. Пусть человек называет себя неверующим, не знает о Христе, имеет о Нем ложное представление, - все это крайне поверхностно и объясняется недоразумениями, а также отсутствием благодати веры. Во всяком случае, "САМ ЧЕЛОВЕК" не виноват в этом своем поверхностном неверии. Но вот он творит чудеса милосердия, совершает подвиг свободы в бесстрашном действии или самообуздании: это ведь и есть подлинно ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ, осуществляемая воистину свободно, без ожидания "награды" от Господа. Не боясь парадокса, должно признать, что такое "анонимное" /выражение католического теолога Карла Ранера/ Христианство имеет особенно высокую духовную ценность.

Когда совмещается Христианство-вера и Христианство-воля, - они взаимно вдохносятся и питаются одно от другого. Когда без Христианства-веры действует Христианство-воля, - оно остается Христианством для всех. Когда же Христианство веры не совмещается с Христианством воли, то само по себе оно ничего не стоит. "Не всякий, говорящий Мне: Господи! Господи! – войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного" /Мтф., 7/. Не стану приводить других доказательств "от Писания", это элементарно. Но нужно устранить недоразумения. "Кто будет иметь веру и креститься, тот спасен будет; а кто не будет иметь веры – осужден будет" /по Марку, 16/. Этот текст – позднейшее добавление, его нет в древних списках Нового Завета, да и по внутренним признакам вся эта вторая половина последней главы Евангелия по Марку, начиная со стиха 9, не принадлежит автору первоначального текста. Это уверенно утверждает текстуальная критика. Вот

пример, когда научное сомнение получает положительный религиозный смысл /интересная, отдельная тема/. Итак, абсолютно заблуждаются те христиане веры, которые думают, будто обладают привилегией спасения и будто бы уж во всяком случае за одно это выйдет им некая скидка. Если уж говорить об этом, то как раз напротив! Мы получили СРЕДСТВА для истинно-христианской жизни, это верно: у нас – подследственный и личный религиозный опыт, у нас – НАДЕЖДА, от которой дух захватывает; у нас молитва, таинства, красота церковности. Но кому больше дано, с того больше и взыщется.

На недоразумении основаны и надоевшие споры протестантов и католиков на тему: "что спасает – дела или вера". Это имеет отношение к нашей проблеме. В послании апостола Иакова написано: "...Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?" /гл. 2/. По контексту речь идет о делах милосердия. Протестанты же, ссылаясь на тексты из посланий апостола Павла, цитировали: "Ибо, мы признаем, что всякий человек оправдывается верою, независимо от дел Закона" /К Римл., 3/. Дело Закона – это иудейское обрезание, от которого защищал апостол свободу Христианства... Поучительно – как легко решаются сегодня эти вздорные вековые споры.

Идея ХРИСТИАНСТВА ДЛЯ ВСЕХ – это не схоластика, это объяснение, которое просят наши непосредственные впечатления, сама жизнь, вдохновляющие явления анонимного Христианства. Особенно ясно становится дело в контрастах Христианства анонимного и Христианства номинального. В этом смысле странные явления мы наблюдаем иногда

на верхах. Конечно, глубина души ведома только Богу; но что касается публицистики, то по личному отношению к крепостному рабству атеисты Белинский, Герцен и многие другие – христиане, а православный Гоголь, митрополит Филарет – совсем не христиане. По личному отношению к евреям и полякам неверующий во Христа Толстой – христианин, - а православный Достоевский – совсем не христианин. Не называя больше имен, можно и в нашем веке отметить подобные яркие контрасты анонимного Христианства и лжеправославного антихристианства... Но нельзя забывать и того, что самые высокие представители анонимно-христианского гуманизма были воспитаны в христианской Церкви, вскормлены в христианской культуре. Будущее покажет на деле – какое влияние имели христианские церкви веры на человеческую Церковь людей доброй воли. Факт тот, что сегодня она существует, - это и есть Христианство для всех.

" " "

Предвижу возражение примерно такого рода. "Попытка самоутешения. Христианская вера становится уделом ничтожного меньшинства людей. Христианство "символическое" и подавно никогда не будет массовым исповеданием. Но вот берутся добрые проявления естественной человечности и зачисляются по христианскому ведомству – объявляется анонимным Христианством для всех. Но это – совершенно фиктивное торжество Христианства..."

Хочу заранее устранить некоторые недоразумения. "Массовость" не есть критерий истинности". "Массовое исповедание" христианства уже было в истории: Византия, Средние века на Западе, царская Россия... Это не было истинным торжеством Христианства. Что будет в дальнейшей истории Христианства и человечества на земле –

нам знать не надо. Евангельские пророчества пессимистичны.

Но надо различать судьбу последних поколений человечества во времени и судьбу всего человечества в Вечности. Нельзя смешивать одно и другое, – это сбивает нас с толку ложная религия "прогресса". Предмет нашей надежды – не "счастье" последних поколений человечества, а Спасение всего человечества. ВОСКРЕСЕНИЕ ВСЕХ – только в этом совершится истинное торжество Христианства. Воскресение всех мертвых, разрешение всех страданий, открытие всего Смысла для всех. "Мои глаза, не глаза другого, увидят Его. Истаевают сердце в груди моей!" /кн. Иова/. В свете этой надежды меняется перспектива. С бесплодных гаданий о неизвестной истории будущих поколений внимание переносится в сегодня, в глубину жизни, в реальные встречи и решающие действия, в ЛИЧНУЮ ИСТОРИЮ, которая имеет бесконечно важное непосредственное отношение к Вечности, ибо НИКОГДА УЖЕ НЕ ПОВТОРИТСЯ.

Что "естественно" и что "сверхестественно" в нашей человечности – об этом рассуждать мне не по силам. Но знаю положительно, твердо, что есть два принципиальных направления в человеческой жизни на земле. "Человек человеку – волк". "Падающего – толкни". "Если враг не сдастся..." Это путь мрака и смерти. "Возлюби ближнего твоего, как самого себя". "И как вы хотите, чтобы люди поступали с вами, так и вы поступайте с ними". В практическом стремлении к этим принципам Христианства мы ощущаем надежду подлинно сверхъестественной, Божественной жизни. Это и есть Христианство для всех.

.....,

А.

Март 1972.

БОРИС КУПРИЯНОВ

Стихотворения из сборника
"МЕЧТА И МОЛИТВА"

СТАНСЫ

Что же, санки давно отдыхают. Мальцы обманулись.
Ветер вылетел вспять замораживать прошлое слово.
Навсегда наши тени в зеленых колодцах надулись.
О, никто не читает сравнительно новых.

Я руками кричать научился на улицах старых.
Зарекаюсь судить. Потрошу привезенное тело.
Благодетель духовный отправил, остался замаран.
Гонят стадо усопших, распухших, дебелих.

За кудыкину гору загнав распаленное братство,
Господин позабыл назначенье лихого похода.
Помешался, отправил! Ему не напомнит убранство...
Ничего не напомнит! Пусть смотрит на воду.

Я не выйду из дома. Мое привезенное тело
Перетерпит родня, передернется смертной истомой.
Господин, разве сердце твое не болело
В первый день объявления: "родился не дома"?

Как давно это было. За голосом слов не узнаешь,
Напечатанных столбиком в темном альбоме.
Трудно. Поздно. К полуночи все вспоминаешь.
Остаешься один в перевернутом доме.

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Если сердце заслушает, не забываясь, означает
Речь громадного мастера яда в рассыпанных искрах стыда,
Обязательно тут же сидящая дева заплачет,
Зарыдает двуликого Януса та половина и та.

О, двуликий, учи мастерство преступленью.
Золотая середина, вырождая святош по любви,
Не годится творящему, любящему для уменья
Выживать. Научивший летать обязательно скажет: плыви.

Янус, что за вопросы? Зачем ты колеблешь ребенка?
Дева держится вся из последних, надуманных сил.
Мастер, перемените пластинку, рифмуйте поближе – в колонку
Боже, кто ж это нас до такой сложности упростил.

Я и сам, как в гостях, и домашнего слова не слыша.
Вивисекция рано отпущенных жизнью грехов!
Мастер, не обижайтесь – мы встретимся с вами на крыше.
Что мы, собственно можем, когда не читаем стихов.

Янус, я для читателя перепишу отходную!
Посмотрите, какая в тенетах моих красота.
Я хотел написать, что любовь иногда именуют...
Только, как именуют, уже отлетело с листа.

Каждой твари по паре. Читатель следи за изменой:
У возлюбленной лютня, у мастера темный флакон.
Дева больше не плачет – я ей положил на колено
Завалившее яблоко и выхожу на балкон.

Если сердце заслушает, не забываясь, значит...
Только чуть отдышусь по стаканчику щелкнем еще!
День как будто бы прожит. Двумикий нас не особачит.
Мастер древнего яда зеленым укроет плащом.

У возлюбленной сад задыхается в пьяном угаре.
У меня под крылом прошлогодняя лютня молчит.
Я хотел написать; кто же сердце мое отоварит
В перевернутой Богом, за что неизвестно, ночи.

ПОСЛАНИЕ ФИЛИСТИМЛЯНАМ

Филистимляне близко
А. Крученых

В поле строятся бараны
от безделья в букву Ф.

Как глобус, вокруг оси свистящий
И остановленный рукой другой,
Так, я, подсматривая в ящик
И не найдя покой,
Блесну на старости высокой,
А тень оставлю.
У царкосельской волоокой
Живу и плавлю.

2

Литая темень. Тополь – вопль
Качнулся вправо.
И всплыл за Пулковым Петрополь.
И эта лава
На поврежденный чьим-то взглядом
Участок суши
Пришлась оправою, нарядом!
Читай и слушай.

3

О, если бы ты только мог,
А я сумел бы,
Спросить зачем плывет комок,
Как к пасхе вербы.
Плывет обманутый и злой
Сокровищ мальчик
Над жадной бездной голубой
Как одуванчик.

4

Проснулись давно ветра.
Заснули дети
Вы замечаете, сестра,
Его в карете
Прикованного не цепом,
А чьим-то взглядом,
Сначала, помните, серпом,
А молот рядом.

5

Мечта обугливает лик
И озаряет.
А за мечтой идет мясник
И поправляет.
По мясу и по волоску.
По рожкам к ножкам!
Быть пересыпану песку
И хлебным крошкам.

6

Серебряным кувшином снег
Собрать, при этом
Признать, что нищий человек
Не здешним светом
Облагодетельствован столь,
Что не подсчета!
А колокол зовет в юдоль
Еще кого-то.

7

И подвигаемся пребысть
Нетленно в тлене.
И малодушие – корысть:
Миф о Елене!

У Гектора прочна судьба
И у Париса.
А я не добираю дна,
Хотя, как крыса...

8

Гляжу на пустошь соловья
Напоминатель.
А численник заполнил я,
Как знаменатель.
И от знамения во тьму!
Помилуй, Отче!
И помоги мне и ему,
И прочее... и прочее...

9

Филистимляне, лист затерт,
А очерк не дописан.
Простертый ангел распростерт
Над белым полем риса.
Петрополь погружен во мрак.
Над царскосельским садом
Парит единовѣрный зрак
Надежды и отрады.

УПРАЖНЕНИЯ В СМЕХЕ

Украденного сердца ли земля?
Приходят семь и говорят: мы с вами,
Мы для того и созданы, что сами
Решим куда, зачем, почто и для...

Для князя Тьмы заброшенная жажда
И милосердье без великих дел –
Вторичность, пропитавшаяся дважды,
Целебной грязью бешеных плевел.
Зерно уносит жаждущая птица.
Для князя Тьмы есть пустошь и весло,
Которое летит, поет и снится
Всем тем, кому ни разу не везло.

Ты населял и пустоту и камень!
И свет переживался пустотой.
Поэтому ты смотришь под ногами
Семь беглых бесов говорят с тобой.
Проиграна татарская ухмылка.
Белеет скатерть на ночном балу.
А на картине голубая вилка,
Как женщина зовущая в пылу!

Все соткано из полупустозвонства.
И все гордится сотканностью всех
И если нам не полюбить пространства,
То только потому, что душит смех.
Горячий смех обугленного слова
Над выщербленной памятью лица
Нас озаряет и смиряет снова
Во имя Духа, Сына и Отца.

РЕКА И РОЩА

Здесь две нимфетки так пристегнуты к реке,
Что кажется сопит изба за косогором,
Собака стонет за забором
И мост висит на волоске.

Все хочется спугнуть и поневоле
Присутствовать, как будто есть на поле
Все тоже, что имеем на реке.
И остановим взгляд на васильке.

Прелюбодействуй, плачущая ива!
Ты так прелюбодействуешь красиво.
Над васильком колдует стрекоза.
Спит Буало. Слипаются глаза.

Прельщаешься жеманничать, влачиться.
Ты называл её: владычица, волчица.
На ровном месте спотыкал слова.
Волчица замирала, как сова.

В сырой тени по пуговке, по нитке,
А в снах по черной маске, по накидке,
По прихоте восторженности всей
Был миром мал, зато душой светлей.

Теперь закрыт шкатулочкой вечерней,
Объят какой-то магией дочерней,
Идешь осоловелый от листвы,
Где может быть в сердцах гуляли вы.

ГЕОГРАФ И ЧТИЦА

Географ Вермеера в позу пришел,
А вдруг вычисляет? Любимую видит?
Рукой упирается, выманил стол...
Художник и нас не обидит.

Мы только и можем, что сферу любить,
В ковре темно-лиственной дрожи,
А если всю светлость и ясность испить,
И тьмой подзаняться, мой боже...

Беременной чтице положен покой.
И смерть им обоим за встречу.
Затем и географ уперся рукой,
Что ночь взгромоздилась на плечи.

Наверно и чтица со стула взошла
Не столько от радости читая,
Сколь все от того же, мол грешной была,
Но очень легко и правдиво.

Господствует наш чистоплотный творец
Над грешной семьей уязвленных.
Но это не свет. Это пар от овец.
В заветную тучку влюбленных.

РИСУНОК

С нищенской чашкою чая в руке,
С чашкой блеснувшей в очках и в зрачке!
Только с дрожащей рукою в рывке
Музычка эта была вдалеке
Несозерцаема тьмой.

О, обнадежда – мелькнувшую длань
В беглом соитии ложка и склянь,
Знатный буфет, лакирующий глаз,
И за окном, посмотревший на нас,
Ангел, умеющий ждать.

Мы последим безутешную мглу,
Вилку применим, поднимем иглу,
Ласточку в небе прочтем не одну,
И никому не поставим в вину
Зыблемость света впотьмах.

Не оправдался, но краешком тьмы
Так заслони́л себя, словно не мы
А отражение нас из тюрьмы
Крадется. Большие наши умы –
Узники и сторожа.

УЖИН

Кресло зеленое. Сыр на столе.
Даже наличник окна, представимый
Соревнованьем объемов. Палимый,
Взор распаленный, но губы в золе.

Где леденец, измывающий шепот?
Ты, немота? Или кто ты и кто там?
Соль прозябает, как снег в оперетте.
Может быть нам принесли по котлете?

Может быть суть поеданья – владенье?
Тот деспотизм, для которого бденье –
Низость ума с пискарем монастырским,
Спор порося с карасем богатырским.

Ты насмотрелась на шторы и сборки,
На продвижение мух по скатерке.
Я на тебя нагледел – наглотался!
Сыр на столе отвлеченным остался.

ГРОЗА В МОСКВЕ

Где гребень белый превратился в лик,
Где синева не источает страха,
Там отражен немеркнувший старик
Какого-то ребячливого взмаха.

Отмеченным путем в пробелах сна
Он отражен, но точно в той же силе,
В какой мы смотрим солнце из окна,
В какой прощаем мы и нас простили.

Я не поверю двум часовщикам,
Четвертому приставленному стулу.
И только помню, что зачислил сам,
К небесному прислушиваясь гулу.

И вся гармония, и все ее сыны,
И вся листва, затянутая ветром,
Опора вещества, а мы за светом,
И не обнять его луча длины.

Но сокровенного касаясь и скорбя,
В знаменьи воровато обновляясь,
Я говорю: еще цветет земля,
Уже богооставленной являясь.

Но, Господи! – хочу сказать до коих
Ты яблоку прогнившему упасть соизволяешь,
Мне ж смертельной второе
Не разрешаешь времени украсть.

Дежурство во Христе – источник страха.
И если написавший полюбил чужое время,
И восстал из праха,
К нам на пути архангел Гавриил.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛИСИСТРАТЫ

/поэма/

...гряди ко мне,
и остави мертвых
погребсти своя
мертвецы.

от Матфея

8-22

НОЧЬ ПЕРВАЯ

Потерявшая бесов река,
Отвечает на сорок вопросов.
Боги? Числа?.. Душа топляка –
Только волосы, исподволь косы
Водяные. Растительный шум
Поразителен. Дерево в срубе
Живо памятью ветра. Мой ум
Не всегда отличается в кубе
Полнотою лесного простора...
/далее: ...нства/ или просто Объема!
Сгнило дерево для водоема,
А его берегли для костра.

2

Провиденья тень и цветок,
Как венок и увенчанный призрак.
Как некстати катается призма,
Скачет черно-зеленый глазок.
Я сравнил ее дерева тень
Из молитвенной речки – пощады!
Я сравню еще может быть кряду
И свяжу, и почувствую лень?
Но летит испытательный сад
Не к местам отдаленной охоты,
А к лицу. Я целую до рвоты
Образ ветхо-зеленых заплат.
Кто призвал эти ветви письмен,
Пусть ответит молчанием часа.
Пусть гроза! Пусть изгонят из класса
Всех, кто раньше поднялся с колен.

36

3

Плоть запугана, сетка пестра.
Плавниками играет и ноет
Память злато-синюшного зноя –
Долгой ночи в середине костра.
Разгорайся для листовных дел,
Не глумись над причудами слуха.
Если даже под мухою муха,
Все равно это то, что хотел.
Как целебна любовь к медякам
На дороге её марафона. Вот!
В четверг дочитала Платона,
А в субботу пошла к мертвякам.

4

Ветер нес, лепесток трепыхался.
Может быть я листал и признался!
И ответил серебряной мгле:
Что за слава стучаться в дупле?
И, задействовав слово на круге,
На поверхность последнюю дуги
Распрямили спасательный нрав.
Почему я не умер, отстав?
Не умру, но заведомо слышу
Эту ночь осызаю и крышу
Как слепой припадаю без сил
И сильнее смотрю, чем просил.

5

Откажи этой женщине жуткой
И в уме, и в поэзии с шуткой,
Крепость сердца зови простотой,
Но от собственной верности пой.
Как же так? Единица – царица?
В нас любимая цифра троится
У Георгия вьется копьё,
А любовь убивает своё.

37

6

Опустело лицо горизонта
От снегов до Евксинского Понта
Пожиратель пространства притих,
Словно в мягоньком ящике псих.
Тишина – это тайны явленье!
И верховное постановление
Против беса. Внушенье реки
Древу жизни, оно вопреки.

7

Лисистрата, прости и прощайся.
Прекратила войну – прекращайся.
Миротворческой ясности след –
Наша прошлая площадь побед.
Всё светло уже кажется. В чаше
Как в дупле или в будке, бродящей
За собакой, сорвавшей прикол.
Всё светло. Шелестит частокол.

НОЧЬ ВТОРАЯ

На углой лодке мучается слово.
Ждем и живем – нет писем для былого.
Качается проросшее гнездо.
Как мы любим? Соль, фа, ми, ре..? Соль – до!

2

Всё серебро раздарено луною.
Всё золото, как солнце за спиною.
С востока упрощается союз
Души и тела. Я не знаю уз,
Соединяющих распятую природу.
Догадливый, как нищий в непогоду,
Запрятан ожидать, снабжен листвою.
Она пришла, чтобы побыть со мной.

38

3

Ночь ни к чему, но потому и ночька,
Что женщина, как аура цветочка,
Духовна и корнями и листвою,
Но не простором воли голубой.
Испита чаша лилии озерной.
Но Лисистрата, словно выдох горный,
Как будто золотая белизна.
Я сон пишу, чтобы прозреть от сна.
Начальник хора вымазался в глине.
Семь мертвецов танцуют на плотине.
Семнадцать пролетают над водой,
В которой ять плывет с большой фитою.

4

Мы передернем хоровую спевку.
Я не пишу, а сочиняю девку
Веселую, красивую в борьбе...
При переходе Леты по трубе
Переходи, не оставляя схода!
Ты слушаешь? Земля не без уroda,
Но в полноте и плотности лесной
Она для всех, кто дорожит весной.
Земля воспринимается, как знамя,
Но в бегстве по нему бывает с нами
Все та же: грязно-серая, в слезах,
Летящая за беглецом, как прах.
Я дерево люблю и родовое,
И цеховое, и ещё живое,
И утопающее мягкою корой!
Я дерево люблю, чтоб жил живой.

5

Ночь понесла, вознаграждая мачту,
Орущим муравьем. Есть память та, что
В предельной ситуации томит.
И вырывает дух, когда инстинкт проспит.

О, как ты плавала! Как будто бы летала.
Я плавал сам и сам летал немало.
Скорей всего я рвался и страдал,
Но тишины пловца не понимал:
Плывущий человек достоин страха –
Вот я плыву и чувствую без взмаха
И затаенья вдоха и гребка
Ты не смогла б любить меня, река...

6

Так что ж в нас притаило даль иную,
Когда мы заплывали жизнь вплотную,
Когда я говорил: закрой глаза,
Иначе их сожжет моя слеза.
Не потому сожжет, что много горя,
А потому, что лучшее у моря
Вот эта капля, стершая зрачок.
Теперь я вижу: ночь сыра и мглиста!
А женщина как дерево ветвиста.
Вот женщина, вот Лисия моя!
Она идет любить нетопыря.
Но я людскою кровью не питался,
Не проиграл мечты своей. Остался
С улыбкою отпущенных словес.
За крыльями ее светлеет лес.

НОЧЬ ТРЕТЬЯ

Языческая земляника гласных
Растаяла во рту. Трудов напрасных –
Суть вдохновенных не бывает, но
На всякий труд крутое есть вино.
Где деятель – любовник постоянства?
Китайскому художнику для пьянства
Необходимо платье из пеньки.

А мне необходимо у реки
Последней ночи дорожить обзором
И написаться на песке, в котором
Лежат мои сухие земляки.
Они в отличие от живых, но спящих,
Не знают наших подвигов блестящих,
Духовное число не смотрят днем
И не горят обещанным огнем.

2

"Блаженная", - я называю имя.
Пора прощаться с прошлыми твоими.
Земля моя и женщина земли,
Невестой Господа не ставшая вдали.
Не упрощается, прощенная без смеха.
Вся эта ночь живет в надежде. Эхо –
Моя сестра в долине немоты,
О, почему безмолвствуешь и ты?

3

Ничто вторгается в расставленные сети.
Я из небытия смотрел и видел: светел
Подследствию доступный хоровод,
И научился жизнь любить без нот.
Восславим сад и в радости и в горе:
Опять восславим и опять повторим.
А дьявола задернем славой зла,
Поскольку он влюблен в свои дела.
Но ждущий песнь и знающий страданье?..
Неужто дольней розы прозябанье
Втянуло нас в исповедальный зал,
Который маскарад и карнавал?

41

4

Не передернем, но протянем руки
К огню под образами, вспомним муки,
Сочувствия исполнимся, как сна,
И напечатаем: вся эта жизнь вина.
Я повинуюсь и молчу, но стражду,
Что, если я единожды, однажды
Смолчу не узником, но подлецом страны,
Которая не чтит своей вины.

5

Блаженны кроткие – наследники величья.
Вы лучше малых птиц, но ваше зреньё птичье
С нечеловеческой природой красоты
Скорее тайный суд, чем явный путь мечты.

6

Объявим наши души в слово веры.
Диалектический престиж и полумеры
Достанутся вчерашнему лицу,
Как маске забытья. Как львиный зев к кольцу,
Сообразовано зверинство с колдовством
И населяет наш вчерашний дом.

7

Ты остаёшься. Блажь твоя с тобою.
Прости мне все. И я тебе покрою
Прощением молитвенным вдали,
Не смейся и не плачь, дорога есть – пыли.

1975

ОЛЕГ ОХАПКИН

БОРИС КУПРИЯНОВ

лирический очерк

Странное существо поэт. Это все уже давно заметили. Пишет ли он стихи незабываемые, значительные, сочиняет ли он время от времени нечто неудобоваримое, малопонятное, но уж если он все-таки поэт, рано или поздно он даст нам почувствовать свою принадлежность чему-то возвышенному, потаенному, вечно волнующему, может быть, небу.

Поэт всегда пришелец. Откуда?

Один к нам приходит как ангел, и его явление вдруг изобличает перед нами нашу собственную подшесть. Другой вторгается в жизнь нашу, как яркий метеор, и поражает наше воображение как внезапностью, так и кратковременностью своего появления. Третий возникает как бы временами, а в паузах мучит нас своей неприкаянностью, странностью, лишностью, совершенной ненужностью. И как тут не вспомнить Пушкина:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Примерно таким я запомнил своего юного друга, когда мы с ним познакомились в Доме писателей весной 1969 года. Мне сказали тогда, что это самый молодой из подающих надежды. И мы подружились с ним.

Юный пиита оказался девятнадцатилетним отроком, весьма напоминающим своей приятной наружностью известный портрет В. Ходасевича. Та же фигура, тот же лоб, те же нервные, чуть влажные руки. Вот разве очки куда-то запропастились... И к тому же имя явно из другой оперы и какое-то уж слишком поэтическое: Борис Леонидович...

Такой двойной цитатой из русской поэзии двадцатого века представился мне Борис Леонидович Куприянов.

Стихи его напоминали ранние прорывы Пастернака, а жесты – душевные срывы Ходасевича. Впрочем, все оказалось лишь наваждением.

Лет пять вокруг меня бушевал рослый юноша. Иногда это был высокий поэт, в паузах – странный человек, мятущийся, сложный, косноязычный и страстный. Юность его напоминала шекспировского персонажа, исполненного шума и ярости. Но, странное дело, от него всегда исходил какой-то дневной откровенный свет. Ничего ночного жизнь в нем так и не обнаружила.

По его рассказам он явился к нам, как Достоевский Идиот, из Европы, правда, на этот раз из Германии. Но про него никто бы не смог сказать, что

Он из Германии туманной
Привез учености плоды.

Учение ему все как-то не давалось. Не далось оно ему и теперь. Он от природы талантливый неуч. Зато он привез к нам флюид немецкого романтизма, и это все сразу заметили.

Песня зимнего стыда.
Перед матерью вода,
где исподнее мое
процветает бытие.

Вы, задравшие подолы
выше уст! В устах Зола
надобности никакой.
Я машу вам вслед рукой.

Я предвижу ваши руки
ваши губы, вашу спесь.
Матерь Божия разлуки,
ненавижу все, что есть!

Конечно же романтично. Конечно же флюид. Но какой? Немецкий ли? Уж ли?
Если да, что за русская удаль!

Сам он утверждает, что его сочинил немецкий романтизм и ранний Борис
Леонидович. Опять двойственность. Какой Леонидович? Видно, он самый и есть "солдат
Куприянов".

Ты ляжешь, ты волосы вытрешь со лба.
Ты вытрешь лицо, побросаешь слова.
Ты в воинской части откроешь глаза;
землянка твоя – капитан с попугаем,
сверхсрочник глухой и радистка слепая.
И сказку расскажет тебе попугай.
Сверхсрочник споет, а радистка пускай
всё по миру, по миру, по миру пустит!
Господь не допустит, чтоб ты умирал!
Ты встанешь, ты волосы вытрешь со лба.
Солдат Куприянов, тебя позвала
прощальная мать на прощальный обед.
Господь допускает – тебя уже нет.

Однажды Иосиф Бродский мне сказал, - что не важно, каков мир на самом деле, важно, каким его представили нам Птоломей и Данте. Я с ним тогда согласился. Конечно же для поэта миф больше, чем то, что мы называем "действительность", то есть поэт это тот, кто проявляет мир внутренний посредством поэтизации мира внешнего, таким образом мифологизируя свою душу.

Вот и Куприянов. Он сам догадался об этом. И это доказует нам нечто закономерное для поэтов романтической школы.

Немецкий флюид в том и состоит, на мой взгляд, что через него мир нам представляется как бы чуть поврежденным, двойственным. Вспомните "Двойника" Гейне-Шуберта и германский же загиб Достоевского: "Голядка ты этакой!".

И стоит только Куприянову напомнить нам шекспировского персонажа, он тут же обернется и персонажем Достоевского. Так и создал он свой мир двойственности – мифически реальный.

То ли воспоминания о детстве в Германии, русско-немецкой солдатчине в гарнизоне, где он играл в футбол и затевал слишком ранние романы, при этом заметьте: сам он никогда не служил в армии, будучи освобожден от нее по болезни, то ли наложение вечно шиллеровского на вечно захоластную жизнь, только вот он перед вами, чуть ли не сквозь слезы говорящий "о Шиллере, о славе, о любви...".

Правда, на этот раз Шиллера как бы подменяет наш Блок, то же носитель этого загадочного немецкого флюида романтической двойственности.

ВЕТРЕННЫЕ СТИХИ О ПТИЧЬИХ ТАИНСТВАХ

Блоковский ветер вернулся из дальних скитаний.
Здравствуй золова музыка! Наша листва
Не вострепнется, чтоб дать Вам живое названье.
Впрочем... простите: я все начинал с баловства.

Сосредоточьтесь, тяжелый поэт за пригорком.
Вам не понять как становится тень на "часы"
Сколько темнеющих пророков по нашим задворкам
Души бросают свои на чужие веса.

Я не люблю постоянства пристыженной бездны!
Вот колоколец у друга в дверях – позвоню.
Выпью глоточек свободы его безвозмездной,
И романтической песню окно отворю.

Ветер, найди наши честные чистые струны,
Заговори языком побелевших ночей.
Я не забуду безмолвной прогулки безлунной,
Часто дрожавших девичьих девчачьих плечей.

Но не любовью сведенной к двуличному чуду,
А абсолютно музыкой движим в саду
Птенчик, к которому вся любовная груда
Тянется так, словно что-то имеет в виду.

Виды не ваши, пейзажная жажда без цели.
Только имеющий уши познает пейзаж,
Ветры, авгуровы птицы, золовы щели –
С первого взгляда ничем не приметный коллаж.

Здравствуй авгур, - подстрекатель особенных струнок,
Ветреных птиц созерцатель, золовый сын,
Птичьих ячеек хранитель, строитель скворешневых лунок,
Братец поэтов, сегодняшней мой господин!

Что ж освещайтесь, но в памяти не расходитесь.
Римским жрецам, голоногим гадателям птиц
Русский птенец /от поэзии видимо витязь/
Выскажет слово, глядясь в петропавловский штиц.

О высоко, о как холодно, как неизбежно!
Ангел простертый поблизости где-то висит,
Кружит душа. И какой-то мотивчик надрывный
Вечную душу его клеветой леденит.

Вера, при всей бесконечности исповедален,
Есть подсердечная роща для ветреных птиц!
Не притворяйтесь, смутитесь: и вы над Невой пролетели,
Не узнавая уступчивых ангельских лиц.

Птица и ангел – два знака сбывавшейся веры,
И воплощение всемирно известной души.
Сбудется все. И авгура сошлют на галеры
Только за то, что он слушать умеет в глуши.

ЖАЛОБА АДАМА

Камни вымокли все. Голубая проталина тянет.
Обернуться, взглянуть, но рассеянный сумрак сквозит.
Та мгновенная музыка вырвана с корнем и вянет.
Только купол вмещает, а сердце ее не вместит.

Этой музыки риск – полнокровная туча над храмом!
Купол сам превращен, агрофобию с силой уняв.
Ах, какая простуда?! Зачем я родился Адамом?
Мог бы выйти фаготом, волшебною флейтой не став.

Долженствующий знать о возможности всех воспалений,
Убоявшись стремнин музыкального злого дождя.
Выхожу из казанского сквера, не знавший молений,
Абсолютную музыку до пустоты доведя.

Это уже Куприянов, раненный на всеми оставленных бастионах любви и романтической доблести. Ничего что он пока путает исповедальни с вероисповеданиями. Это легко поправимо. Но что будет с ним, таким ранимым и хрупким, что даже стихи у него в горле как-то ломаются, будто звук их стеклянный, напоминающий обертоны бокала?

Песнь Одисеева спутника
О. О.

Харибда, Сцилла! Фиговый листок
давно не парус. Одиссей привязан.
Я рядовая тварь, играю назубок!
О, если б это небо стало вязом!

Чтобы ни звезд, ни дождика, ни зги,
ни звука позвоночника на сломе.
Чтоб под глазами синие круги
После попойки в деревенском доме.

Харибда. Сцилла. Черная вода.
Крапленая небесная колода!
Кто выдумал, чтоб жизнь была – беда,
а самой страшною бедой была свобода?

Свободен сорок раз прозревший зверь!
И сорок раз еще прозреть готовый.
Я рядовая тварь: вчера, потом, теперь.
Для всех и вся, смотревший сон не новый.

На это я ответил в свое время соответствующим стихотворением незамедлительно, и сейчас мне кажется, что поэт, умеющий исторгать такие пронзительные звуки, сможет заставить расступиться и самые камни перед своим орфическим дарованием. Такие души не пропадают. О них слагаются мифы и сам Аид восторженно внимает им, трясомый глухими рыданиями.

Недоумки-цветы. Красота – красотой.
Зацвели, отцвели, засыпают.
Змеи выцветших трав под моею пятой
ничего о подошве не знают.

Сколько легкой листвы, непрочтенных существ!
Нечитабельных трав и былинки.
Недочитанный сад в две недели исчез –
не прозревший венки паутинок.

Знает солнца стихия себя самое.
Время верит себе – да и только!
Для кого это ветер сегодня поет?
Кто сегодня умрет и во сколько?

Да, рожденный стихией воздуха, этот поэт вправе сказать своей музе вслед за Пушкиным:

Она внимала мне с улыбкой, и слегка
По звонким скважинам пустого тростника
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов...
Уже в который раз Царское Село дарит нам первоклассных

поэтов. И этот, дай Бог, не последний царскосельский поэт, на мой взгляд обещает стать первоклассным, тихо завершая свою шумную юность в "садах лицейского прицела", как он сам выразился.

Что еще следовало бы добавить к сему? Может быть, еще одно куприяновское стихотворение, которое я особенно люблю за его неистребимый свет, исходящий прямо из души дионисийского поэта к нам в сердце.

Три грации.

Ефросина, Талия, Аглая –
возродите радость, блеск и цвет.
Покажитесь! Я пойду по краю
за живот, а не для эполет.

За животворящую духовность
на ингерманландской стороне,
я прощу вам вашу злую томность,
фотографию повешу на стене.

Помогите, озаритесь, свейтесь!
Изберите лучших учениц.
И не улыбайтесь, а засмейтесь –
не прощайте наших скорбных лиц.

А. МИРОНОВ

Смех мой, агнце, ангеле ветренный
Подари мне венец нетления
Бог невидимый – смех серебряный
Светлый Бог океана темного.

Бес, над трупом моим хохочущий,
Враг, пятой меня попирающий,
Смех – любовник мой вечно плачущий,
Узник в камере мира темного.

Смех, страдающий в танце дервишей,
Я Иуда твой, друг тринадцатый,
Приготовь мне петлю пеньковую,
Бог мой – смех меня отрицающий.

1973

ХОРОВОД ДИОНИСА

В военном космосе – скажите-ка на милость –
Слепая бабочка и вера заблудилась;
В военном хороводе чисел-слов
Ничтожно малая душа или число.

Все кружатся, одной объята думой –
Невидима, но нерушима связь –
Звезда крылатая, орел и лев угрюмый
С генералиссисусом – эросом кружась.

Лихие музы среди буйных танцев
Вином любви подпаивают старцев,
Чтоб возбудить, хотя бы в трех иль в двух
Воинственный и непреклонный дух.

Кружится все. К Единому взывая,
Хор ангельский все ближе, все ясней,
И я кружусь, но бабочка больная
Мутит мне совесть состраданьем к ней.

Умри же, бедная, как умирает жалость,
Расхожая порхающая дрянь,
И офицерской формой не смущаясь,
Афиной всенародною восстань.

1974

Мой друг беспечный, ты шалишь,
ребенок с погремушкой – рюмкой,
ты слышишь – сладостная мышь
растет в груди германской чумкой.

Увы, мы не сойдем с ума
от этой ницшеанской дозы.

[1], русская зима
нас встретит трезвенным морозом.

И росс нам щедро поднесёт
яйцо богини белокурой,
Жар-птицы, куропатки, дуры
обман и пьяный скифский мёд.

И забормочет партизан
своим бессменным пелеметом;
идет посмертная охота,
двойной орел кружит в глазах.

Вий поджидает за углом,
жандарм течет за ними следом.
Пентакль в содружестве с орлом –
не то что наш паук – перпетум.

Оставь надежду – так верней
за новым призраком вернёшься,
среди геральдических теней
власть не умрешь и не упьешься.

Незримое, как тать, грядет
Иванушкой крутого чуда,
и винопийца, как Иуда,
ненужные гроши сочтет.

1975

1. [Пробел в машинописи.]

То не юноши ноша, то мука ахейского слава –
Ахинея в крови, ахинея в душистых словах.
Плод познания горчит, невесом, словно римское право –
Ах, какие плоды нам в июне Господь даровал.

Но какую печаль мы придумаем в грешном июле?
Золотистое слово на веточке тленной висит.
Так не падают люди, и кружатся пули,
И урод недоношенный громче нормальных кричит.

И скажу это громко – без слов, без надежды, без страха,
И останется что-то – укроха, надежда, душа,
И останется память – сплошной инсулиновый сахар,
И молитва в крови – Ахинея о длинных ушах.

Вот и сказано слово, однако, как трудно мне было
Превозмочь немоту, словно тело своё преступить,
В позолоченном небе – Свидетели, Ангелы, Силы.
Надо в грешном июле, как в скошенном августе жить.

1975

ДВА РОМАНСА

Как китайской иглой меня укололи
На французский манер: засветилась картина
На стене моей спальни, на холсте моей боли.
Я пирожных сегодня не ел, Альбертина.

Тот, кто ел их, с рожденья со мною в разлуке
Пред кремлевской стеной тенью ласковой длится,
Прячет в теплую смерть воробьиные руки
От свинцового взора любимой столицы.

Наша боль не о том, а о чем – не признаться;
Вспоминай, как пришлось; перемешаны фанты,
Мнемозина не станет в дверях извиняться;
Дни твои, голубок, - голубые пуанты.

Не пора ли забыть о навязчивом вздоре?
Полночь. В памяти стынет невесомое древо...
Выпью горького чаю от полуночной хвори.
Боже, горечь какая! Что ты сделала Ева?

1975

Уже как-будто ветер тело носит –
Сорвет, закрутит и задует в щель,
А Мнемозина так же ждет и просит
Честного бисера на бархатный кошель.

Уж эти просьбы – крики да угрозы,
Как изумруды в черных волосах;
Как злые раны, ей дымились розы
И слово умирало на устах.

Но страшно думать, в ярости бесцельной,
Сплетая наспех золотую ложь,
Ты, как Арахна, в нежной богадельне
В беспамятстве повиснешь и умрешь.

Другая мне споет как вечность тает,
Последние мгновенья вороша,
Как в новом небе с птенчиком играет
Моя десятилетняя душа.

1975

Я всё думая ни о ком
Не о том, с чем душа простилась –
Это тело переместилось,
Как бокал с круговым вином.

Важно только найти предлог,
Чтоб явиться к себе с повинной;
С нежным дымом, как с пуповиной,
Связан помысла голубок.

И уж некуда вновь бежать,
Коль душа призывает судий,
Разве важно, в каком сосуде
Божий дар нам не удержать.

Некий брат на моей оси
Миллионную розу курит
И роняет щепотку дури –
Душе Святой, спешу, спаси...

1975

Посреди тягучих бредней
Черный патефон стоит.
Голос пифии последней
Шепчет, шелкает, шипят.

Таает в смерти безымянной,
Задыхается в тоске
Дом фонтанный, храм туманный
Слов дремучих на песке...

II

В слове, тобою омоленном, я оживу
Дымом, обыденкой, пеплом осеннего сада,
Утренним звоном, связавшим коня и траву,
Скорбным звеном родового и злого распада.

В ссыльном вагоне под жалобным небом твоим,
Чтобы в глуши, в тесноте, между смехом и страхом,
Легкий хаос начертать на бумаге, засим –
В смерти твоей бессловесным рассыпаться прахом.

Посох осенний, как кранахов рог изобилия,
Ждет иудея Церера, германская дочь;
Пряжа горит, и глаза, как бессонные крылья
Мыши, летящей на белое в черную ночь.

III

Я, как тень, меж собою и вами.
Что за блажь кутить с мертвяками,
С окольцованными словами
Слово в прошлое посылать?

Не сочтите, что казнь жестока,
Третий раз поклонюсь Востоку,
Осунусь в купельное око,
Чтобы мертвых не узнавать.

IV

Смотри, слепое слово бродит,
Но рыба утаит глагол,
Где спелый ум на крест восходит,
Отечество поет щегол.

И тело, превращаясь в розу,
Забыв добро, не помнит зла.
Лев попросил извлечь занозу,
Синица море подожгла.

1975

ПЕЙЗАЖ

Могильный островок, соль в земляной солонке,
Крупицы соли в рясах земляных,
Изыщество поста, изысканный и тонкий
Над трапезой благословенный стих.

Я там умру в июле на молебне,
До времени, когда воскреснет плоть
С трубою ангельской. Что может быть целебней
Господней крови, разве сам Господь!

1974

Убить красоту – когда любуются цветами –
закричать: "Начальник едет!"
Из китайской премудрости.

Нет, не Фьоренца золотая
Нас папской роскошью манит,
Савонарола из Китая
Железным пальчиком грозит.

О век – полуистлевший остов!
Но я, признаться, не о том.
Ведь красоту убить так просто,
Испортив воздух за столом.

Русь избежит стыда и плена –
Ей красоты не занимать,
Начнет российская Елена
Больные ноги бинтовать.

Пока Европа спит и бредит,
Случается то там, то тут:
Москва горит, начальник едет,
Цветы безумные цветут.

1975

ЭМИГРАНТ

У Лукоморья дуб зеленый...

Послушай, что ты говоришь?
За делом на войне не тужат,
Лишь крупный зверь о славе тужит,
А мелкий бес летит в Париж.

Там Витебском расписан дом,
Французский день Жар-птицей начат,
И два любовника маячат
В небесной зыбке под кустом.

Последних звезд, и век горчит,
А там где горечь, нет соблазна,
Тоска безглава, безопасна,
И Марсельеза не звучит.

От страха забывает имя
Булонский лес перед грозой,
И плачет церковкой-слезой
Американец-проходимец,

Лес окропился звоном слез,
Но раком съеден луг зеленый;
Лежит астматик утомленный
В букетах буржуазных грез,

Там мир безумней и косней
И некогда молить о Даре,
По уголкам сознаний шарит,
Крутясь, ирландское пенсне.

Там по ночам мурлычит ужас,
Кот заплугавшихся грехов
Среди бесчисленных стихов,
Жоржеток, монплезиоров, кружев.

А нам под сенью двух столиц
Не надоело жить с опаской,
Питаться лаской да указкой
Рязанско-энских кружевниц.

59

Да-а... здесь такая благодать...
Да что ты говоришь? – Послушай!
как неизреченны души,
Утраченные, словно ять!

1975

СЕНТЯБРЬСКОЕ ПРОВИДЕНИЕ

Всё ангелы, да злые сквозняки
Шумят, бормочут, пачкают алфавит.
Слова плывут беспомощны, легки,
И ходом разговора леший правит.

Задумчив, осторожен и безлик,
Стирает он последних смыслов грани,
Но чудится ему иной язык –
Глухих кровей и междометий брани.

Не брачный пир, но бранный вой и сечь,
Не погребений тихая отрада,
Но враний хор, но разделений меч
И бляенье замученного стада.

Не погребенные, да починут слова,
Чтоб вспомнили рассеянные ныне
Советника Орла и Друга Льва
И Голос Вопиющего в пустыне.

1974

СТАНСЫ

Аз есть червь, а не человек.
Псалом Давида

Я укорял себя: мой бред –
Я говорил – порочен
Меж теми, кто угрюм и сед,
Упрям и сердцем точен.

И я отправил блажь свою
На почту Безымянных,
Но вот, я всё ещё стою
Среди столбов песчаных.

А те, кто предо мной стоял,
Когда я плыл в эфире,
Безумства выпили фиал
И вспомнили о мире.

Так, в озабоченном краю,
В бегах и разговорах
Открыли будущность свою,
Как открывают норы.

Закрыта будущность моя,
Но среди прочих знаков
Ты возлюбил узор червя,
Блаженный сын Иаков.

Мольба смиренного слепца –
Благодеяний нива –
Для жизнедавца и Ловца
Отменная пожива.

Ты весь у Господа в руке,
В сетях словесных нитей...
О, Червь на огненном крючке,
Господь мой и Спаситель!

II

– Поговори со мной, душа.
Вина, как видишь мало,
Перед очами два шиша
И мрака до отвала.

– Я жертва, я овца...
– Постой,
к чему сие безумство,
когда влечет плодов настой
и века вольнодумство?

– Я жертва, я овца...
– Постой,
но жертвенности мало,
перед очами век пустой
и мрака до отвала.

– Я жертва, я овца...
– Ступай
в свое овечье стадо,
сердечный мрак не вспоминай –
овце ума не надо.

– Я вспоминаю имена,
которыми отныне
изумлена, обличена
Мариною в пустыне.

– Ты вспоминаешь имена
своих овец не боле...
Смотри же, пьяная страна –
Зверь в роковой неволе.

– И я невольница чуть-чуть,
от Господа – опала,
но Жертвой обозначен путь,
и света до отвала.

– Отвальную, теперь, конец
вина нам не хватало!

– О, Боже, как красив венец,
как славно всё, что было!

– Ступай, безумица, ступай
в свое овечье стадо –
быть может, вспомнишь невзначай...
постой, душа, не надо.

III

Авессалом, бунтарь, орех –
Повис самоубийца.
Я среди выпренности всех
Узнал тебя, девица.

К чему, Мария, среди зверей
Ты плачешь и бормочешь?
Есфирь, душа души моей,
Проси, чего ты хочешь?

Душа моя, я только царь,
Раб вековой гордыни,
Проси лазурь и киноварь,
Я только раб отныне.

Среди царей, рабов, зверей
Полудня, дня и ночи...
Юдифь, душа души моей,
Проси чего ты хочешь?

– Я попрошу души твоей.
– душа моя, не боле?
– Душа твоя – жильё зверей
Зверь в роковой неволе.

– Изволь я раб твой. – Не спеши,
Признания довольно.
Я знаю прелести души,
Но рабство добровольно.

– Ты не девица – вепрь и муж,
И в сговоре вас – трое.
– Люблю тебя, бесценный муж,
Усни, я всё устрою.

Ты прав, любимый мой, есть течь
В моих словах, не следуй
Их простоте, но где мой меч?
Заснул. Пора. Победа.

Пиит, смеяться не спеши.
Сей плод созрел для корма,
И лишь за множеством души
Мне не достало формы.

./

Усни, подумай полчаса,
Как славу петь Отчизне,
Поют ли наши голоса,
И хватит ли нам жизни?

Сквозь сети слов и Майю лет,
Сквозь маяту событий
Я вижу брошенный билет
В далекий е -Ус к-с у.

Я вижу земляных червей,
Где всякий одинаков,
Но щедр от Благости Твоей
Блаженный червь Иаков!

1975

Pieta

И здесь витал дух неразрушимой пагубы, и даже проходя мимо, вы касались его, ибо буквы его закона становились клетками вашего мозга – мозговая комбинация менялась, ширилась и надвигалась уже извне сотнями копий, тысячью неразличимых ликов, серийным производством единственного по своей природе Чуда: Да, Он, Сущий, Он дарует мне спасение, но что мне в конце концов до него?

И тогда они наступали, кичась своим непререкаемым идиотизмом, и лица их излучали печаль: ах, как жаль, что все это не так, но мы так должны Вам сообщить: "Смоковница в тех местах не росла!".

Но я стоял как проклятый: там пусто, – говорил я, – там нет ни дня, ни ночи, ни мира, ни забвения, а скрежет зубовой – разве это не тогда, когда тебя выворачивает наизнанку твой больной зуб, и нет причины ему болеть, и нет вообще причины ЖИТЬ и УМЕРЕТЬ – а зуб ноет и ноет; он Сущий, он, как насмешка над тобой несуществующим -- так мы стояли рядом, не касаясь друг друга. Но они не отступали – вылетев в окно, они ломались напролом в запертую дверь. ---- Так как же: всеобщее спасение или скрежет зубовой? – настаивали они. ---- Мне нечего было им сказать. ---- Это вы узнаете после, после. ---- Верьте! ---- Так я молчал и в отчаянии смотрел по сторонам, словно ждал, что кто-нибудь скажет им Это. --- Или ТО или ДРУГОЕ, - твердили они и добавляли, что КСТАТИ СМОКОВНИЦА ТАМ НЕ РОСЛА. ---- И я появлялся вдруг то справа, то слева, единый в двух лицах, немой и безумный

и я справа кричал ТО
и слева кричал ДРУГОЕ.

То или ДРУГОЕ, или как вам будет угодно, или как будет угодно Богу. ----
Господи, буди милостив мне грешному ---- И это был камень, брошенный из пращи, - они
возвратились в Небытие, стена и скрежеща зубами, ибо камень не укусишь. ---- Господи
КСТАТИ СМОКОВНИЦА ТАМ РОСЛА буди милостив мне грешному.

----- И, отряхнув пыль, мы стояли перед вратами
храма, все еще не решаясь войти, да и войти во врата было нельзя, можно было лишь
созерцать библейские барельефы, распиленные и расколотые inferнальными бандитами,
и следить сиятельное Всевидящее Око в полноте Славы своей. ---- Но все-таки это был
настоящий храм, где приобщались раньше и по сию пору приобщаются /НО СТРАННЫМ
ОБРАЗОМ/ Святых тайн, кто во спасение души и тела, а кто в осуждение самости своей, –
да это был храм, хоть вход в него был и через врата; и вы входили туда не как сожитель, а
как свидетель, любитель, интересующийся, ТАТЬ – в храмину Духа – сбоку, тайно, через
нелепую новейшую пристройку, минуя вывеску "Музей", гигантские информационные
стенды, макеты человекодавлен, – но это были Вы, отрясшие прах с ног своих и были Вы
в храмине Духа.

– Кстати, вы заметили, – спросил Он меня, – что сам храм крестообразен – так он
был задуман, как крест времени – это большое счастье, это дар нам. Крест
общечеловеческого неверия здесь, у нас, именно в России – это нам Богоданный символ. -
--- Нет, мы еще не вошли, мы следили Всевидящее Око в полноте Славы Своей. ---- Да,
ХРАМ уподоблен Сыну Человеческому. Он растит, таково его назначение – это КРЕСТ
ВРЕМЕНИ – но КАКОГО ВРЕМЕНИ? Тут-то и обнаруживается самое поднаторевшее,
самое банальное –

КАКОГО ВРЕМЕНИ, если ВРЕМЕНИ больше НЕТ – есть бессмысленное безликое многообразное трамвайно-троллейбусное колбасное смертоносное существо и всего не охватить, не объять необъятного: или то или другое

или рука или нога

кость или мясо

злато или булат -----

----- Господи, КАКОГО ВРЕМЕНИ? -----

СЕГО ВРЕМЕНИ. ---- Мы, как анатомы, на картине Рембрандта: каждый смотрит на труп и ищет кусок послаще. Для исследования ---- Рука или нога ---- СЕГО ВРЕМЕНИ.

Вот оно покоится мертвое, членообразное, необъятное для глаз, не сливаемое /или сливаемое по вере нашей/?/, Единое, все-таки Единое время: так нежный Бах и пунктуальный Вебери сливаются в ушах наших в жутковатый и варварски прекрасный ричеркар, так храбрые российские ребята кричат императору "Ура", и он плачет у них на глазах поистине царскими слезами над их горем – да, да – над их пролитой кровью, над этой нескончаемой Освободительной войной. Он – альфа и омега этой бойни – каждый день посещает госпиталя и бравые ребяташки вновь символически маршируют и вопят "Ура!", а потом он входит в храм и падает на колени перед иконой Богородицы и плачет, и плачет, снова плачет.

А, когда война уже окончена, пострадавший император говорит Великому Князю, как бы в шутку, и все же с некоторым смущением: "Как ты считаешь, братец, могу я прицепить на эфес еще одного Георгия, как думаешь, заслужил, а?"

И воин вдруг начинает беззвучно рыдать, прижимая императора

к груди, а потом ведет его в зал, где в нетерпеливом ожидании праздничного бала весь сок, весь свет петербургский – и вновь звучат неслиянные голоса приветствия и поклонения – здесь легкий поворот нежных женских плеч – знак преданности, там в абсолютной недостижимости от "здесь" гарцует и марширует свое "ура", бесчисленное множество без роду, без племени, без имени, с одной лишь верой в Императора и в Бога, который Помазал Его.

Что это, борьба классов или единство противоположностей?

Сказочный фильм, где дворовая девка распахивает двери усадьбы приехавшему из-за границы барину, целует поминутно его руки и тут же смахивает пыль с карнизов, и на лице ее выражение Высшей радости, доступной лишь ей?-----

Это ТО ВРЕМЯ. Просто это ТО ВРЕМЯ -----

А это СЁ ВРЕМЯ-----

– Неслиянные, но слитые воедино в Духе и по вере нашей.

И храм все-еще стоит не только как позор наш, но и как ХРАМ СЛАВЫ БОЖЬЕЙ.

– И когда я прикасаюсь к его колоннам, – сказал Он мне, – я ощущаю невиданную благодать. Благодать это какая-то особая, это благодать нетронутости, заброшенности, уединения, – Он искал слова и не находил, – как будто Спящая царевна вдруг проснулась или вот, это как голос: "Копай здесь!"

И Он уже рассказал мне о физиологии этой благодати, как

токи пронизают его пальцы, доходят до сознания, раскалывают его, вновь сливают воедино, а потом, как будто теплыми струями СЕРЕБРЯННОГО ДОЖДЯ – Духа Святого – окатывает его с головы до пят, и вот Он уже стоит перед Ватами Вечности, как незаплеванное стеклышко, как очищенный плод, и, вроде бы, в свадебных одеждах. С ним Христос, а коснулся Он Невесты Христовой и потому ОМЫТ, как будто причастился.

Токи меня смущали. Я, в сущности, их никогда не ощущал. Токи – это стигмы, экстаз, дар с неба неизвестно з на какие добродетели, что-то явно не наше, католическое.

Но я посмотрел на него, когда он так ловко лепил слова, как просфоры к празднику и вспомнил: ба, да он же Бывший Радиоинженер, хозяин всей этой проклятой Механики и Электроники, а я в жизни ни одного Атома не узрел, ни одного микроба не обнаружил, и сознание расколосось надвое: а он мне про стигмы! И тут, как будто теплой водой омыло – все стало на свои места. Мне никогда не придется этого почувствовать, но Он, Радиоинженер, он чувствует их, эти токи, как пить дать чувствует.

Ну что ж, всякому свое...

Лишь бы Причастие было едино.

– А впрочем, – вдруг сказал Он, – ты сейчас сам убедишься. Только помни, что это надо делать с большой верой. Пойдем, ее я тебе покажу /Мы вошли, мы, наконец, переступили Порог/. Это обыкновенная католическая Pieta, скульптурка, – продолжал Он, – впрочем, совсем необыкновенная, я здесь до всего касался, но ее токи пронизают меня явственнее всех прочих, и, что самое главное, я нигде не видел такого спокойствия, Покоя на лицах, такого ОЖИДАНИЯ. Нам, ведь, теперь самое время ждать

САМОЕ ВРЕМЯ ЖДАТЬ, так что ты коснись ее и жди.

Мы вошли, мы, наконец, достигли этого зала, где было начертано известное СМОКОВНИЦА ТАМ НЕ РОСЛА, – и я увидел. Передо мной была бесцветная и довольно неискусно размалеванная композиция, и неудивительно, что раньше я ее не замечал. Покою здесь было хоть отбавляй, но Исключительности, Единственности события я не ощущал.

Что ж не в этом, конечно, дело.

Так после службы в Спасо-Преображенском Соборе хладным взором я смотрел на все эти розовые щечки, пухленькие ручки, грузные тела, как бомбы, повисшие в воздухе, и поражался смехотворной бездуховности этих творений, – но во время службы я с благоговением прикоснулся к ним губами и чувствовал любовь, исходящую от них, ибо, целуя их, я почитал истинные СЛАВНЫЕ ОБРАЗЫ их, Единый Лик Творца во Святах своих, и тем самым сопричислялся к стаду подобных мне и подобно мне облобызавших эти все-таки недостойные истины изображения. Но других там не было, да и не моя это забота. Господь прикоснулся к ним вместе с нами, и они стали святыней.

А он поцеловал Piety и коснулся пальцами подножия, и все, кто был вокруг, как притянутые невидимыми жилами невольники, вдруг остановились и посмотрели на него – но, может быть, мне это только показалось – а потом кто-то что-то кому-то зашептал, и показалось мне, что ПРО СМОКОВНИЦУ – и странно вдруг захотелось сгинуть, уничтожить всех свидетелей, чтобы выйти потом вон, как ни в чем не бывало, не из храма, а из музея, быстрым шагом

отсчитать половицы, как будто ты уже все здесь сосчитал и, повинуюсь ЗАКОНУ АРИФМЕТИКИ, уходишь для того, чтобы совершить уже более сложное действие – вычесть, разделить, умножить – а потом ты вернешься сюда вновь и сверишь свой результат с ответом в конце задачника – а именно: СМОКОВНИЦА ТАМ НЕ РОСЛА, – и тогда я нагнулся, и подобно ему поцеловал подножие Piety и, сложив три пальца, коснулся подножия.

Токи пронзили меня, но то была не благодать – безграничный ужас сотнями копий пронзил меня со спины, и я понял, что это Нападение, и оглядываться было нельзя – сам Вий пришел поглазеть на меня, а сородичи и челядь его ухали, как санитарная машина на первой скорости.

Господи, Господи, помилуй меня – иначе он вот-вот скажет ВИЖУ и тогда двое в белом из приближенных его схватят меня под локотки и втолкнут в кузов, и повезут меня странным маршрутом мимо всех церквей, мимо всего Святого прямо к нему Домой, а там с меня сбреют излишки, омоют болотную жижей и представят пред очи его.

Он ткнет мне пальцем в груди и скажет:

– Сними ЭТО!

А я спрошу его: – Зачем?

– Мало ли, – ответит он мне, – у нас бывали случаи – люди давились на таких вот веревочках.

– Пока ОН на мне, я не удавлюсь, – скажу я.

– Сними, – терпеливо повторит он, и как бы с сожалением, – нам ведь все равно придется снять.

– Что ж, делайте как вам угодно, – скажу я.

И тут в его глазах проснется интерес, как будто напал на золотую жилу.

– Пишите, – шепнет он одной из мелких ведьм, сидящих за столом и скажет им нечто такое, отчего глаза их заблестят, зашевелиятся уши, и они хором будут глазеть на меня, пока он терпеливым мелким шагом будет идти ко мне, протягивая руки к моей шее, и эти руки предательски выдадут его мельчайшей своей дрожью, когда он снимет с меня крест, и, приподняв нижнюю губу оценит его, как скупщик краденного, и скажет:

– Мы его занесем в опись и засунем в ботинок – когда будете выходить отсюда – вам все выдадут.

И уже готовясь совсем отпустить меня с глаз долой, спросит:

– Кстати, почему Вы его так цените? Ведь это же для Вас пустая формальность. Потеряется этот – купите новый.

– Этот, этот, – безмолвно кричу я, глядя в его бесстыжие глаза, ибо ОН, ЭТОТ спас меня от его нападения здесь, когда я стоял, касаясь пальцами подножия Ріеты, и сотни копий-взглядов были готовы обрушиться в меня, и не было ни от кого мне пощады, кроме Господа и Благословенной Матери, тихо глядевшей на меня, и ожидавшей во мне Его Воскресения.

Вот тогда-то я и почувствовал эти токи.

----- Теперь, поставив ему двадцатикопеечную свечку, стань возле иконы Богородицы и дождись пока она

не сгорит до конца. Заступница наша умножит твою безобразно-холодную молитву, и свеча твоя будет гореть дольше, чем положено ей, доколе хватит терпения, доколе ноги не отдохнут и тело не окостенеет – смотри – вот горит твоя двадцатикопеечная молитва – на многое ли тебя хватило? ---- Тебе, разумеется, много и не нужно – одно лишь воспоминание, связать концы с концами, обрывки времен, слить несливаемое, доказать, что гармония мира не нарушится, если выдумать трамвай, историю и т. д.. ---- Одно, одно лишь воспоминание о нем – и обрывки соединены, ибо Он сам, его существование само по себе чудо – много ли нужно за двадцатикопеечную молитву – одно воспоминание о ТЕБЕ ГОСПОДИ в мертвецах твоих. Ибо, увы, Он мертв, да, Слава Богу, Он уже в ином мире. Надо будет УЗНАТЬ его там, подойти к нему на расстояние запаха, впрочем, какие же там запахи – ладан, мир, елей? ---- Ты, стоишь, омываем попеременно то волною ладана, то запахом трупного разложения, ты стоишь в сердцевине пропасти на мосту /вобщем-то, ты стоишь в церкви, свеча твоя уже догорает, а близ тебя расположился полуразложившийся покойник, и опытный домовитый дьякон машет кадилом, воспевая: со святыми упокой/. -- -- Перейдешь ли ты этот мост? Вот узел времени, вот твоя связка – отныне и довеки. ---- Свеча догорела и служба кончилась. Теперь помолившись, надо выйти вон из мира бытия Вечного в мир бытия Вещного. ---- Не останавливайся – глаза долу! – не глазами по сторонам. ---- Вот оно электричество! ---- Оно готово освещать твой путь своим синюшным мертвенным светом, куда бы ты не шел. ---- Вот оно, многообразное безобразие. Оно готово заселить тебя нескончаемым., но КОНЕЧНЫМ множеством всех культур, времен и народностей. Любой антиквариат

к твоим услугам. ---- Изящное бра, возносимое пышнотелым ангелом к потолку, граф Лев Николаевич Толстой, звучный канделябр и, наконец, зачем тебе что-либо выбирать. ---- Прими все так, как есть, весь кладезь премудрости, всю эту неистошимуую на выдумки голь – или, нет, надо все ж-таки что-то выбрать, надо быть антогонистом-диалектиком, души-телом, кромсателем. ---- Да здравствует электричество
или газовые фонари
или вообще тьма ---- Что-нибудь одно; или то, или другое, иначе не будет личности, или продвижения по службе, или, наконец, любимой женщины под боком – неистошимого аккумулятора вдохновения ---- Вот он каков, этот мост: кидает из стороны в сторону, куда не взглянешь, а внизу из черной глубины мнимые утопленники-стажеры вопят: погибаем! Спасите! ---- И ведь клюешь, бросаешься к ним на помощь и, если сух из воды не выходишь, сам становишься таким СТАЖЕРОМ. ---- Ну вот, ты теперь дома, посредством транспортного сообщения – в самом начале моста, тебе немного покачало и отбросило назад, сюда, в эту комнату, в грудку книжного хлама, к которому Он даже ни разу не прикоснулся, не отряхнул пыль. ---- Он. Он. Миновавший мост. Он. Забвение. Многия лета. ОН. ОН. ОН.

Воспоминание Pieta или о том, как мы были наказаны его смертью.

1969.

Публикацией избранных фрагментов православной житийной литературы в современной языковой интерпретации мы открываем серию: "Новейшие переводы и переложения древних религиозных текстов".

Автор публикуемых переложений А. Миронов решает сложную /одновременно и религиозно-герменевтическую, и лингвистическую/ задачу – он стремится воссоздать в структуре современного русского языка духовную атмосферу языка старославянского-сакрального слова православной литургии и святоотеческой письменности.

СКАЗАНИЕ О СВЯТОМ АНТОНИИ

Случилось некогда вещь таковая: встретились на совете своем два беса и заговорили об Антонии: как бы им удобней искусить его? Однако, зная святую жизнь его о Боге, недоумевали, как это сделать. Так в совете своем и дошли они до того, что стали по-своему хвалить святого, как воина, настолько искусного, то никто из бесов и приблизиться к нему не посмеет, боясь получить ранение. Пришел Антоний в великое бесстрашие и совершенное житие и обжился Святым Духом.

Один из бесов именем Зерефер и говорит своему другу-бесу: Как ты думаешь, друже, если бы кто из нас покаялся, принял бы Бог его в покаяние или нет?

– Кто же это знает? – отвечал ему бес.

Зерефер же говорит:

– Хочешь, чтобы я пошел к старцу Антонию, который нас не боится, и спросил его?

Друг-бес и говорит:

– Иди, иди, да поосторожней. Старец-то прозорлив: узнает он о том, что ты его искушаешь и не захочет спросить об этом Бога. Однако, все же сходи, попробуй.

Тогда преобразился Зерефер в человека и пошел к старцу, придя же начал громко стенать и рыдать перед ним.

Бог же, желая показать, что не отвращается ни одного кающегося, но принимает всех притекающих к Нему, – в поучение грешному человеку – что и дьявола, начальника злу, не отвратился бы, если б тот истинно покаяться изволил, утаил от старца перевоплощение бесовское.

Поэтому и увидел преподобный пришедшего к нему, как человека, а не беса, и сказал: Что ты плачешь так, человек, сокрушая и мою душу многими слезами твоими?

Бес же лукавый отвечал:

– Я, отче, не человек, а бес, и, как думаю, из-за множества беззаконий моих.

Помыслил тут преподобный, что пришлец ради многого смирения бесом себя нарицает, и говорит:

– Что же хочешь ты от меня, брате?

Отвечает бес:

– Ни о чем ином молю тебя, отче святой, только помолись Богу прилежно, да объявит тебе приемлем ли дьявол в покаяние бывает или вовсе Бог такового не приемлет. Если онаго Бог примет покаяние, то меня примет, сотворившего дела, подобные делам этого супостата.

– Что ж, – говорит старец, вопрошу Бога об этом. Однако, ты ступай в дом свой и возвращайся завтра и скажу тебе, что о сем повелит Господь.

Вышел бес вон.

Наступила ночь. Воздел старец горе преподобные свои руки и помолился человеколюбцу Богу, прося Того показать ему, примет ли Он дьявола обращающегося в покаяние.

И предстал перед ним в видении Ангел Господень и сказал:

– Так говорит Господь Бог: "Почто молишь о бесе мою державу?; сей враг лукавством искушать тебя приходил."

Говорит Ангелу старец:

– О, почему Господь Бог не открыл мне сего так, что не разумел я коварства бесовского?

– Не смущайся, – ответил Ангел, – ибо сие есть некое дивное смотрение Божее к пользе согрешающим. Да не отчаиваются грешные, соделавшие многие беззакония, да приходят в покаяние, зная, что ни от одного не отвращается преблагой Бог из приходящих к Нему, даже если и сам враг рода человеческого истинно к покаянию придет.

Когда бес снова к тебе придет, ты скажи ему так: "Знай, что человеколюбец есть Бог и никогда не отворачивается от всякого приходящего к нему, даже если и сам дьявол приходит; и тебе обещается приятие, только если исполнишь повеление Господне."

Когда же бес спросит тебя, что же это за повеление, скажи ему: "Так говорит Господь Бог: "Знаю тебя, кто ты есть и откуда пришел, искушая. Ты есть древняя злоба и не можешь быть новой добродетелью, злу сущий начальник издавна и ныне доброе делать не начнешь. Привыкнув к гордости, как возможешь смириться в покаяние и обрести милость; но чтобы ты не имел извет в день судный, будто бы хотел покаяться и не принял тебя Бог, то и тебе благой и милостивый Господь полагает – только если сам изволишь – покаяние; говорит же тебе: три года стой на одном месте, обратясь лицом к Востоку, ночью и днем взывая громким голосом и говоря так: "Боже, помилуй меня, древнюю злобу". Так говори сто раз. А потом сто раз произнеси другую молитву: "Боже, помилуй меня, мерзость запустения". И эту также сто раз. Так и взывай к Господу непрестанно, ибо не имеешь телесного состава, а потому не утруднишься и не изнеможешь. Когда свершишь сие со смиренномудрием, тогда будешь принят в первый свой чин и сопричтешься с Ангелами Божиими; Если же пообещает тебе все повеленно

прими его в покаяние, но знай, однако, что древнее зло новым добром быть не может. Но да напишется сие последним родам, дабы грешные не отчаивались, желая в покаяние придти; да научатся человеки не отчаиваться о своем спасении".

Такие слова сказал ангел Преподобному Антонию и, окончив речь, взошел на небо.

На утро же пришел дьявол, и еще издали начал рыдать и стенать, словно человек.

Вошел к старцу, поклонился.

Старец же вначале не обличил его, как дьявола, но в уме своем сказал:

– Злая ложь пришла ко мне, дьявол, скорпион, злых начальник, древнее зло, ядовитый змей вселукавый.

Вслух же святой рек:

– Молился я Господу Богу моему, как и обещал тебе и поведено мне было, что приемлет Господь тебя в покаяние. Только прими и исполни то, что заповедал тебе через меня Всесильный Державный мой Господь.

– Что же повелел мне Бог? – спросил бес.

Старец отвечал:

– Заповедал тебе Бог стоять на одном месте неподвижно, обратясь к Востоку, и взывая днем и ночью: "Боже, помилуй меня, древнее зло." И так говорить сто раз. А потом и другую молитву сто раз произносить: "Боже, помилуй меня, мерзость запустения". И снова – сто раз: "Боже, помилуй меня, прелесть помраченную".

Когда все это сотворишь, тогда сопричтешься с Ангелами Божьими, в том же служении Богу пребудешь, что и прежде было службою твоею, до падения твоего.

Зерефер тут же сей образ покаяния отверг, засмеялся и говорит старцу:

– Глупец! Если бы я хотел назвать себя древней злобой, мерзостью запустения и прелестью помраченной, я сделал бы это и раньше, чтобы спастись. Но как я могу именовать себя таким образом /древним злом/? Нет, такого не будет, и вообще, кто так может обо мне казать?.. Я и по сию пору дивен и славен; все боящиеся мне повинуются. И как я могу себя назвать мерзостью запустения или прелестью помраченной? Никак, глупец, никогда.

Я, видишь ли, еще обладаю грешниками и любят меня, в сердце даже хранят, по воле моей ходят. А мне, значит, предлагается стать рабом непотребным покаяния ради. Нет, злюка-старче, нет, нет, нет.

С чего бы это мне от великой чести в такое бесчестие себя претворять?

Сказав это, дьявол кликнул и стал невидим.

Старец же, восстав на молитву, благодарил Бога, глаголя:

– Воистину Ты глаголил, Господи, что древняя злоба новой добродетелью стать не может. Злых начальник новых благ творцом не бывает.

Мы же, грешный, да покаемся непрестанною молитвою, даром Духа святого, да обрящем Судью милостивого и сподобимся блаженства, со светлыми Ангелами да водворимся, где всем Господу угодившим явлена красота неизреченная, присносущное веселие и радость, да обрящем ее о Христе Иисусе Господе нашем, ему же Слава, со Отцом и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Святой Антоний родился в 250 году в Комани /близ Гераклеи/ в Среднем Египте. Родоначальник отшельнического монашества.

В 269 году Св. Антоний, раздав имущество бедным, поселился в пещере на берегу Нила, недалеко от места рождения. Пищу отшельника составляли хлеб, соль и вода. Молитву, пение псалмов и рукоделие сменял краткий сон на голой земле.

В 285 г. он удалился для большего уединения в пустыне на берег Черного /Красного/ моря, где в полуразрушенной башне проводит 20 лет.

В пустыне Св. Антоний испытал многочисленные искушения. Афанасий Великий, автор "Жития Св. Антония", пишет, что Антоний был первым, кого искушали мысли о семейном долге и радости, о трудностях своей избраннической жизни. Дьявол, видя, что эти аргументы бесполезны в отношении святого, стал появляться перед ним в виде то прислуживающих эфиопов, то монаха, несущего Антонию пищу во время поста, то женщины, то солдата, а то – просто бешеных, тревожащих душу, ударов ветра.

Личный опыт Св. Антония, опыт борьбы с искушениями, был усвоен церковью и сделался основанием христианской монашеской жизни. Недаром его называют "первым монахом".

Из этой напряженной духовной борьбы Св. Антоний вышел физически здоровым и сохранившим до самой смерти трезвость и остроту ума отцом христианского монашества. С 305 года он стал допускать к себе ревнителей благочестия, учеников, проповедуя им молитву и труд.

Школой для Св. Антония были как Св. Писание, так и природа, а учителем – благодать Христа.

– Как можешь ты жить здесь без утешения книг? – спросил его однажды философ.

– Книга моя, друг мой, – природа, которая всегда со мной, как только захочу читать в ней глаголы Божию, – отвечал Антоний.

"Ученой образованности не имел, греческого языка не знал, но Св. Писание знал на память и вразумел размышлением очень хорошо", – Блаженный Августин о Св. Антонии.

По латинским и арабским источникам известны двадцать писем Св. Антония, восемьдесят правил и двадцать поучений, увещаний, мыслей. Правила эти еще в VIII веке переведены были на латинский язык и включены в свод иконических правил.

Монастырский устав, восходящий к правилам Св. Антония, до сих пор сохраняется значительным числом коптско-сирийских монастырей.

Русский перевод "Правил" опубликован в "Христианском чтении" 1826-1829 гг. В 311 году, во время жестоких гонений на христиан, Св. Антоний пришел в Александрию, чтобы делить с прочими крестные страдания. Провел в Александрии около года.

По возвращении в пустыню, он отошел на другую гору, которая доныне известна под именем горы Св. Антония Великого.

Незадолго до смерти Св. Антоний еще раз пришел в Александрию, поучая против ариан. Это путешествие сточетырехлетнего старца было торжеством и для православия и для Антония. Толпы народа следовали за ним, как за великим человеком Божьим, ожидая благословения и чуда.

В начале 356 года, на 105 году жизни, Св. Антоний скончался, заповедав никому не сказывать место его погребения.

День Св. Антония отмечается как католический, так и православной церковью 17 января.

Искушения Св. Антония неоднократно являлись темой для произведений искусства. Достаточно привести имена Дюрера, Рембрандта, Босха, Сурбарана – в живописи, Флобера и Ан. Франса – в литературе.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ПИМЕНА ВЕЛИКОГО

Пимен преподобный был родом из Египта...

Взяв с собою двух братьев юных, ушел Пимен в один из пустынножительных монастырей египетских и постригся вместе с братьями в монахи.

Спустя несколько лет, мать их – вдова, естественно к чадам своим любовью подвигшись, пришла к монастырю, желая видеть их, и, остановившись близ церкви, поджидала их пришествия туда. Когда братья шли к церкви, она вышла к ним на встречу, но лишь увидев ее, побежали обратно в свою келию и затворили за собою двери.

А она, подойдя к дверям, стала стучать и звать их, громко рыдая. Сыновья не открывали ей и не давали никакого ответа.

Услышал то авва Анувий и войдя в келью другими дверями, сказал Пимену:

– Что сделали вы старице сей? Ибо плачет она и не уходит от вас.

Подошел Пимен к дверям и спросил:

– Что плачешь, старица?

Она же, услышав голос его, отвечала:

– Хочу видеть вас, чада мои, разве я не мать ваша? Не сосцами ли моими напоила я вас, не воспитала ли вас? Ныне же я стара и при смерти, смутилось сердце мое, слыша глас твой, самого же тебя не видя. Дайте же мне увидеть вас, чада мои, прежде чем я скончаюсь.

И сказал Пимен:

– Здесь ли хочешь нас увидеть или в будущей жизни вечной?

Мать же отвечала:

– Если здесь не увижу вас, то увижу ли вас там, о чада мои?

И вновь сказал ей Пимен:

– Если стерпишь великодушно, чтобы не увидеть нас здесь, непременно будешь видеть нас в жизни вечной; полагаемся в этом на Божие человеколюбие.

Она же, выслушав и уяснив себе сказанное, отвечала:

– Если воистину увижу вас там, не хочу здесь видеть вас, – и отошла с доброй надеждой, радуясь и желая более в будущей вечной жизни видеть их, нежели во временной.

А блаженный Пимен в постнических подвигах проводил дни свои и в молитве непрестанной пребывая; успевал в иноческих добродетелях и помощью Божьей превозмогал брань невидимого супостата. Плоть свою, с духом воюющую, умертвил и, словно пленника, утомил многими трудами, покорив ее в работу духу. Так взошел на гору бесстрастия и стал велик среди отцов пустынных, как совершенный в добродетелях.

В некое время князь страны той захотел видеть Пимена и послал к нему вестника, моля, да позволит ему посетить его.

Сильно опечалился старец, помыслив в себе:

– "Если начнут вельможи приходить ко мне и почитать меня, то и народ ходить ко мне станет. И так помешают безмолвию моему, и лишусь я благодати смирения, которую от юности со многим трудом Божьею помощью стяжал, и попаду я в сеть гордыни".

Так, поразмыслив в себе, отказался он видеть князя и молил

его через того вестника, чтобы он не приходил к нему, чтобы не желал увидеть его, если не хочет, чтобы старец оставил место свое.

Опечалился князь, узнав об ответе Пимена, и сказал:

– Ради грехов моих, не сподобился я узреть человека Божия.

Однако неприменен был князь в желании своем. Изобрел он некоторую хитрость: посадил он сына сестры старца в темницу, словно за некое злодеяние. Думал же при этом, что старец придет к нему с прошением о племяннике, и, таким образом, он узрит Пимена.

Сказал князь слугам своим:

– Если придет авва Пимен, освобожу юношу, если же не придет, казню его, ибо велико его преступление.

Услышала о словах князя мать юноши и сестра Пимена, пошла в пустыню к брату и, придя к келии, стала громко стучать и умолять старца со слезами, чтобы он пошел к князю и умолил того отпустить сына.

Святой старец не открывал дверей и не отвечал ей. Долго сестра со слезами увещевала его и, наконец, потерпев терпение, стала поносить и укорять его:

– Немилосердный, несердобольный, ожесточенный, безбожный и злонравный! Неужели слезы мои не преклонят тебя на милость! Ведь сын мой единственный в смертной беде!

Старец же послал ученика сказать ей:

– Отойди от сего места. У Пимена нет детей по плоти, поэтому он не болезнует.

И возвратилась сестра, горько рыдая и проклиная брата.

Прослышав о случившемся, князь сказал друзьям своим:

– Возвестите старцу: пусть хоть эпистолию напишет ко мне молительную и отпущу племянника его.

И советовали многие старцу написать князю, и написал старец: "Советую власти твоей хорошо испытать вину юноши согрешившего, и, если найдется в ней достойное смерти, пусть умрет, да и временною сею казнью избавится от мук вечных; если же согрешивший будет найден смерти неповинным, то, наказав его по закону, отпусти".

Прочтя старцево послание, удивился князь добродетельному великодушию и рассуждению мужа, и, познав того как истинного угодника Божия, тут же отпустил юношу.

А преподобный Пимен, убегая от тщетной славы и почитания человеческого, отошел в другие места и скитался многие годы.

А после вновь поселился в Египетской пустыне и остался в ней до старости, угождая Богу трудами поста и будучи многим инокам отцом в поучении духовном.

Смирennemудрый авва и учеников своих смиренномудрию учил, приводя им в пример повествование о некоем старце – /возможно, что и о себе самом/:

– В некотором месте, близ Царьграда, жил один монах-египтянин. Была у него кельица маленькая. Случилось однажды проходить мимо того места юному, но благочестивому царю Феодосию. Узнал он о живущем там иноке, оставил всех бывших с ним, и, одевшись в простую одежду, пришел к келии старца.

Услыша стук, инок открыл дверь, не узнал царя и принял его

как простого воина. Сотворили они молитву и сели. И спросил царь:

– Как живут отцы египетские?

Он же отвечал:

– Все молят за спасение ваше.

Осмотрел царь келью старцеву и ничего не увидел, кроме корзины, висящей на стене, в корзине той лежало несколько сухарей. И сказал старцу:

– Благослови меня, отче, откусать немного.

Взял старец блюдо, налил в него воды, насыпал соли и положил туда сухие корочки хлеба. И вкусили оба. После этого принес старец ковш воды и дал пить царю. И сказал ему царь:

– Знаешь ли ты, кто я?

Он же отвечал:

– Не знаю, господин мой, Бог тебя знает.

Тогда царь говорит:

– Я царь Феодосий.

И старец поклонился ему. И сказал царь:

– Блаженны вы, иноки, ибо свободны от попечений многомятежного мира сего.

Имеете житие безмолвное и лишь о спасении душ своих печетесь, как обрести жизнь вечную и благу! Поистине, говорю тебе, царем рожденный и царствующий ныне, я никогда еще не вкушал хлеба в сладость и воды не пил, как сегодня.

И отвечал старец:

– Мы, монахи, яства наши творим с молитвою и благословением. Поэтому и убогая пища сия сладка бывает. Вы же у себя дома едите пищу без молитвы, а зачастую и с празднословием – вот ваши брашна и не принимают услаждающего благоволения.

Поцеловал царь старца и ушел. С того времени стал он очень почитать монаха.

А старец, боясь пагубного превозношения и гордыни, чтобы не погубить смирение свое ради почитания человеческого и не лишиться благодати Божьей, восстал и бежал с того места в Египет, откуда был родом.

Такую повесть рассказал святой Пимен ученикам своим, уча их смирению и уклонению от суетных похвал, которые не пользу, а лишь тщету инокам приносят.

Учил и прочим добродетелям.

Учение его было действенным и всякому во спасение.

Равно как житие его равноапигельское было образом добродетели, так и слово, истекшее из уст его, шло всем на пользу.

Приходили к нему не только новоначальные иноки, но и состарившиеся в иночестве, и, вопрошая о пользе, принимали от него в назидание душ своих богомудрые и боговдохновенные ответы. Записаны эти ответы в отеческие книги, некоторые из них здесь вспоминаются.

Спросил некто авву Пимена:

– Если я вижу прегрешения братий наших, подобает ли мне покрыть его?

Отвечал авва:

– Если покроем прегрешения братий наших, и Бог покроет прегрешения наши.

Один из братии сказал авве Пимену:

– Смущаюсь, отче, и хочу уйти отсюда.

Говорит старец:

– По какой причине уходить собрался?

Отвечал брат:

– Слышу слова бесполезные об одном из живущих здесь братьев и соблазняюсь.

Сказал ему авва:

– Неправда – то, что ты слышал.

Брат сказал:

– Воистину, отче, это правда, ибо сказавший мне верен есть.

Говорит старец:

– Нет, не верен поведавший это тебе. Если бы он был верен, то не поведал тебе это.

Ты же сам не видя, не верь слышимым словам. Ибо и Бог, слыша вопль содомский, сам сошел, дабы увидеть все своими глазами очами: "Вополь, – говорит, – содомский и гоморрский умножился ко мне, и грехи их великия зело, сошед убо, да вижду, аще по воплю их есть".

Говорит брат:

– И я, отче, своими очами видел согрешающего во грехе его.

Услышав эти слова, старец поднял с земли маленький сучок и сказал брату:

– Что это такое?

– Сучок, – ответил брат.

Поднял старец очи вверх и, указав на бревно, спросил:

– А это что?

– Бревно, – отвечал брат.

И сказал старец брату:

– Внеми в сердце свое, что грехи твои подобны сему бревну, а грех брата твоего – маленькому сучку, и не будешь тогда иметь смущения.

Слышал эти слова и авва Сысой, сидевший в то время у Пимена, и удивившись мудрости их, воскликнул:

– Воистину, как драгоценные камни, слова твои Славы и Благодати исполнены!

Снова сказал авва Пимен:

– Написано: "Свидетельствуй то, что видишь очами своими. Я же говорю вам: если и очами видите, не всегда тому доверяйте".

И поведал им следующий случай:

– Некому брату явилось от беса приведение: увидел он однажды одного из братьев своих, согрешающего с женщиной, и смутился в мыслях своих, боримый похотью плотской. Подойдя к ним, толкнул их ногой, говоря:

– Прекратите грех творить! – и тут же вместо них узрел снопы пшеничные. Говорю это вам для того, чтобы вы не имели веру грехам ближнего своего, даже если очами зрите.

Спросил его авва Анувий:

– Что бы ты сказал Богу, если бы увидел согрешающего брата и не обличил его?

Отвечал Пимен:

– Сказал бы я Богу: "Господи, ты заповедал: вынь сперва бревно из ока твоего и тогда увидишь, как изъять сучок из ока брата твоего. Соблюдаю я слово Твое".

Один из братьев спросил Пимена, говоря:

– Тяжкий грех содеял я, отче, и хочу три года в покаянии пребыть, но не знаю, хватит ли трех лет на покаяние?

Отвечал старец:

– Много.

Снова говорит брат:

– Повелеваешь ли один год каяться?

– Много, – отвечает старец.

Услышали то другие братья и говорят:

– Неужели сорок дней пребывать в покаянии подобает?

Старец же снова молвит:

– Много.

А после говорит:

– Я думаю, что если покается человек от всего сердца с твердым намерением к прежнему греху не возвращаться, то в три дня Бог покаяние его примет.

Другой брат спросил авву Пимена:

– Как надо жить человеку?

Ответил старец:

– Видим Даниила, которого ни в чем нельзя было обвинить, разве в службах Господу Богу его.

Теми словами ясно показал старец, как человеку жить подобает, чтобы все его житие было не что иное, как служение Господу Богу.

Другой спросил:

Как можно уберечься от вражеских наветов?

Отвечал старец:

– Когда разжигаемый огнем, котел кипит, – ни одна муха и ни одно насекомое не прикоснутся к нему; когда же остынет, тогда и мухи садятся на него, и ползающие в содержимое падают. Так и иноку, духовными делами разжигаемому, не может враг приступить; к пребывающему же в небрежении и ленности удобно приступает и низлагает того, как хочет.

Другой спросил его о наступлениях злых помыслов, как бы освободиться от них.
Отвечал святой:

– Вещь сия подобна мужу, имеющему слева – огонь, а справа – сосуд воды. Если воспалится от огня, то берет воду из сосуда и гасит огонь. Огонь – помыслы злые, которые, как искры в храмину, ввергает враг в сердце человеку, чтобы зажглось оно вожделением греховным; вода же – постоянное подвижение себя на молитву к Богу.

И вновь о том же самом авва Амон спросил старца, на что тот ответил, вспоминая Св. Писание:

– Разве прославится секира без секущего ею, или вознесется пила без влачащего ее; и ты помышлениям злым не прости в помощь руки соизволения своего и будут тщетны.

Спросил авва Иосиф: о посте:

– Как подобает поститься?

Отвечал старец:

– Я хочу каждый день немного вкушать, но без насыщения.

Говорит Иосиф:

– А когда ты был юн, разве ты не постился по два дня?

Отвечал Пимен:

– Воистину постился и не только по два дня, но и по три, а то и по целой неделе; но великие отцы на своем опыте познали, что хорошо всякий день по малу вкушать: то есть путь царский легчайший и удобнейший, да ум не превознесется!

Игумен одного большого монастыря спросил авву Пимена:

– Как можно мне стяжать умиление?

Отвечал старец:

– Как же может умиление быть в сердце, переполненном внешними попечениями?

Другой спросил старца:

– Что лучше – говорить или молчать?

Отвечал старец:

– Кто говорит ради Бога – хорошо делает, и кто молчит ради Бога – также хорошо делает.

Обретаются в отечниках и другие полезные речения аввы Пимена.

Сказал авва:

– Когда хочет человек дом построить, многое на потребу строительства собирает, чтобы его составить, так и мы – да возьмем от всех добродетелей по малой части, и созиждем в самих себе дом душевный.

Еще сказал:

– Трое потребны человеку: страх Божий, молитва непрестанная

и творчество добра к ближнему.

Трое суть иноческого жития: нестяжание, терпение и рассуждение; ибо писано, трое спасутся – Ной, Даниил и Иов.

Ной есть образ нестяжания, Иов – терпения, а Даниил – рассуждения; если сии трое обрящутся в иноке, Бог, спасающий его, живет в нем.

Сказал авва Пимен:

– Если две вещи возненавидит инок, то возможет освободиться от мира сего.

И спросил брат:

– Что же это за вещи?

Отвечал старец:

– Плотское успокоение и тщеславие.

Ещё сказал:

– Написано в Евангелии: "Имеющий ризу, пусть продаст ее и купит нож, то есть, имеющий покой плоти своей пусть оставит его и примет жесткое житие и путь тесный".

Ещё сказал:

– Когда Давид боролся со львом или с медведем, то для того, чтобы убить зверя, брал его за горло. И мы, когда удержим гортань и чрево наше, можем с Божьей помощью победить льва – дьявола и медведя – плоть нашу.

Опять сказал:

– Если бы не пришел Навузардан Архимагир /начальник поваров/ царя вавилонского в Иерусалим, храм Господень не был бы сожжен; так и с нами – если не войдет в нас объядение и успокоение чреву, не зажжется огонь вожделения греховного, и ум наш, могущий противиться врагу, никогда не смутится.

Когда дымом отгоняют пчел, берут сладость трудов их; так покоем телесным отгоняется страх Господень от души, и отнимается у нее всякое доброе дело.

Как воину царя, пребывающему всегда в готовности к наступлению, так подобает душе быть готовой к брани на беса блудного.

Услышал авва Пимен о некоем брате, постящемся по шесть дней, а в седьмой вкушающем немного пищи, но имеющем гнев на брата, и сказал:

– Научился поститься шесть дней, а от гнева и один день воздерживаться не научился.

Пресвитер некоего монастыря, услышав о неких братиях, что часто они в город ходят и в бане моются и не радят о себе, прогневался на них, и, придя в собор, отнял от них образ монашеский. После же раскаялся и, посетив авву Пимена, возвестил ему о содеянном.

Старец же сказал ему:

– Не имеешь ли ты в себе нечто от ветхого человека или совлекся того до конца?

Пресвитер же, услышав сии слова, умилился, и, вернувшись в монастырь, призвал братьев, которых опечалили, покаялся им и облек их снова в монашеский образ.

Пришел к авве Пимену авва Исаак и увидел, что он возливает немного воды на ноги свои.

Сказал ему авва Исаак:

– Так некоторые привыкли жестоко удручать тела свои!

Отвечал ему старец:

– Мы не научены быть телоубийцами.

И снова сказал:

– Есть человек, которого зрят молчащим, а сердце его – осуждает. Такой непрестанно говорит. Есть и другой – с утра до вечера языком говорит, но соблюдает молчание. Не осуждающий ближнего и есть настоящий молчальник.

Поведал авва Иосиф об авве Пимене следующее:

– Сидели мы однажды у аввы Пимена, и среди нас был брат юный Агафон. Старец же, желая сказать ему нечто, молвил ему:

– Авва Агафон!

Мы же говорим старцу:

– Брат наш юн. Зачем же ты его аввой называешь?

Отвечал старец:

– Уста его молчаливые внушили мне аввой его нарекать.

Снова сказал авва Пимен:

– Брат, пребывающий с ближним, должен быть подобен истукану каменному: терпеть досаду – и не гневаться, слышать слова хвалы – и не возноситься. Злоба никогда не победит злобу; но, если кто тебе зло творит, ты ему сотвори доброе, и твое добродейание разрушит злобу его.

Сей добродетели авва Пимен и самими делами своими поучал.

Прежде пришествия его в Египет, жил в Египте старец некий, всеми почитаемый. Когда же Пимен пришел, многие оставили старца и стали ходить к Пимену. Старец же начал гневаться на авву и завидовать, говоря о нем много злого. Услышал об этом авва Пимен, опечалился и говорит братьям своим:

– Что же сделать нам? В скорбь ввержены мы людьми сими, оставившими столь святого и преподобного старца и приходящего к нам ничтожным; как упрачуем гнев на нас великого одного старца?

Возьмем с собой немного снеди и вина и пойдем к старцу, дабы вкусить с ним, может быть, умилюстивится душа его. Сделавши так, пошли к старцу и постучали в дверь его. Ученик старца откликнулся:

– Кто вы?

И ответили:

– Скажи авве своему, что Пимен с братией своею пришел благословиться у него. Ученик передал слова братии старцу. Старец же сказал:

– Иди и скажи им: "Уходите отсюда, у меня времени нет, чтобы видеть вас".

И когда ученик возвестил им слова старцевы, они сказали:

– Не уйдем отсюда, пока не сподобимся поклониться старцу.

И стояли на зное при дверях келии.

Старец, увидев их смирение и терпение, умилюстивился, открыл им двери и принял их с целованием, и, седши, беседовали с любовью и пищи вкусили.

И сказал старец:

– Воистину, не только то, что слышал о вас, – истина, но и сторицею большие добрые дела в вас вижу.

С того времени сделался старец другом любезным авве Пимену. Так умел преподобный Пимен злобу враждующих разрушать и другим преподать образ добродетели.

Авва Пимен и молчанием иных учил, ровно как и словом.

Однажды в монастырь, где он пребывал, пришли пресвитеры страны той.

По этому случаю вошел к нему авва Анув и сказал ему:

– Не пригласить ли теперь пресвитеров в нашу келью?

Сделав этот вопрос, он долго стоял, но Пимен ничего не отвечал ему, и он вышел огорченный. Сидевшие у Пимена спросили его:

– Отец! Отчего ты не отвечал ему?

На это Пимен сказал им:

– Это дело не относится ко мне, потому что я умер. Умерший же не говорит. Не вменяйте меня, что я живу с вами здесь.

Из далекой страны к Пимену пришел инок, чтобы поучиться из слов его. Принял старец с радостью. После целования присели, и начал пришлый инок вызывать старца на разговор о Божественном Писании, о вещах недоуменных и небесных.

Отец Пимен, повернув лицо в сторону, молчал, не отвечая ничего говорившему. Долго говорил инок, но, не получив ни одного ответа от старца молчащего, печален вышел из кельи и говорит ученику старца:

– Всеу потрудился я, пройдя такой длинный путь! Пришел

ради старца, а он мне ни одного слова сказать не хочет.

Вошел ученик к старцу и сказал:

– Отче, сей муж честной ради тебя пришел, славен он среди иноков страны своей.

Почто ты с ним не говоришь?

Отвечал старец:

– Он о вышних и о небесных вещах говорит, я же только о нижних и о земном говорить могу.

Если бы брат говорил о душевных страстях и о плотских немощах; я бы ответил ему; а поскольку он о высоком говорит, – молчу, ибо я ничего в том не понимаю.

Вышел ученик вновь к иноку и пересказал слова старцевы. Умилился инок, вошел к старцу и говорит:

– Что делаешь мне, авва? Борим я страстями плотскими.

Тогда, обратив к нему лицо, старец сказал:

– Ныне благословенно твое пришествие. Отверзи уста твои об этих предметах и исполнись благ.

Отшельник, получив великое назидание, говорил:

– Точно! Это истинный путь.

Он возвратился в страну свою, благодаря Бога за то, что сподобился видеться с таким святым.

Пришел однажды авва Исаак к Пимену и застал его в молчании и как бы в иступлении пребывающим. Подождав некое время, увидел, что авва пришел в себя, и припал к его ногам с просьбой:

– Скажи мне, отец, где ты был сейчас умом твоим?

Принужденный молением, старец отвечал:

– Ум мой был там, где Пречистая Дева Мария Богородица.

плача, при кресте стояла. И я хотел бы всегда плакать.

Таким запомнили ученики великого и преподобного отца, всякую добродетель прошедшего. Жизнь его и слово – великая польза всем.

Пимен Великий – святой, скончался в середине IV века н. э.

Смирение же старец имел такое, что часто с вздыханием говорил:
– Буду ввержен в то место, в какое и сатана ввержен будет.

Но Господь смиренного раба своего вознес в места святых ангелов
и в селение праведных и преподобных, где лета не оскудевают, и
все святые престолу Славы Божьей предстоят
всегда славя Отца и Сына и Святого
Духа, единого в Троице Бога,
ему же и от нас, грешных,
Слава и ныне и пристно
и во веки веков
Аминь.

Господи Иисусе Христе, помилуй
нас молитвами преподобного отца
нашего Пимена и всех святых.
Аминь.

Пимен Великий – святой, скончался в середине IV века н. э.

СЛОВО ИОАННА ЗЛАТОУСТА НА ДЕНЬ УСЕКНОВЕНИЯ ЧЕСТНОЙ
ГЛАВЫ СВЯТОГО ИОАННА ПРЕДТЕЧИ

Снова Иродия бесится, снова смущается, снова пляшет, снова отсеченную главу Иоанна Крестителя у незаконного Ирода просит.

Вновь Иезавель ищет Навуфеевой смерти и виноградника его, Вновь гонит Св. Илию в горы.

Думаю, что не только я ужасаюсь сему, но и все вы, слушатели гласа евангельского, удивляетесь Иоаннову дерзновению, Иродовому безумию и безбожных жен зверскому неистовству...

Что же слышим?

Ирод пленил Иоанна и заключил его в темницу – чего ради?
Ради Иродиады, жены Филиппа, брата своего.

Что же скажет тот, кто пожелает описать Иродово бесчувствие, от неистового женорачительства происшедшее?

Как же опишет он злых жен безудержное пронырство?

Кажется мне, что нет в поднебесной Такого Зверя, который был бы подобен жене злой, не благой и целомудренной.

Знаю, что многие жены были кроткими и добронравными, их доброе жительство подобает мне помянуть после к пользе и подражанию благих, да возлюбим истинно доброе и честное.

Но ни один зверь в мире не подобен жене злой. На что уж зол лев из четвероногих; в сравнении с двуногими – ничто.

Кто может быть хитрее и злее змея из пресмыкающихся? Но и ползающий не чета человекам ходящим.

Так и лев и змей в злобе с женой не сравнимы, ибо свидетельствует Соломон мудрейший: "Лучше жить со львом и змеем, нежели с женою лукавой и злоязычной".[1]

1. [Сноска без содержания.]

И не подумайте, что пророк пошутил, глумно изреши, ибо от опыта своего приобрел он сей навык.

Даниила, брошенного в ров, львы устыдились; Иезавель же не мало не сумнясь праведного Навуфея убила.

Кит Иону сохранил во чреве, Данила же, остригши и связавши Самсона, иноплеменникам его предала.

Змеи, аспиды, гадюки рогатые Иоанна в пустыне убоялись, Иродия же в главу его усечь повелела.

Вороны Илию на горе питали, Иезавель же после благодеяния дождя убить его возжелала. Что же сказала она в свое оправдание?

– Если ты Илья, то я – Иезавель! Пусть то и то сделают мне Боги, и еще больше сделают, если завтра к тому времени я не положу душу твою.

И убоялся Илия, и бежал ради души своей через пустыню сорок дней, и просил смерти себе, и сказал:

– Довольно, ужу, Господи; возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих.

О, диво! Пророк Илия убоялся жены! Тот, кто носил на языке дожди вселенной, тот, кто сводил с небес огонь, тот, кто молитвою воскрешал мертвых, – испугался женщины?!

Да, испугался.

Ни одна злоба не сравнится со злобой жены злой.

Свидетельством тому премудрость говорящая: нет головы паче, чем голова змея, нет злобы больше, чем злоба женская.

О, зло дьявольское и острейшее оружие!

Женою в древности дьявол Адама в раю уязвил, женою – кротчайшего Давида к лукавому убийству Урия привел, женою мужественнейшего

Соломона ослепил; женою сыновей Илии-иерея умертвил, женою благороднейшего Иосифа, окованного, в темницу заключил, женою светильника всему миру Иоанна во главу усек.

Что еще сказать мне о человеках?

Женою дьявол святых от добродетелей уводит, женою всех погубляет, всех чести лишает, всех уничтожает. Жена бесстыдна, никого не щадит, ни священников не чтит, ни Левита не стыдится, ни от пророка не посрамляется.

О, зло зла злейшее, жена злая!

Бедно живет – злобою обогащается, а если богата – то, что как не богатство в лукавстве ее ей помогает!

Нетерпеливое животное, неисцелимый недуг, неукротимый зверь. Я видел и аспидов неукротимых укрощенными, и львов, и единорогов, и медведей ласковыми; жена же злая, и будучи укрощена, бесится, и будучи ласкаема, возносится.

Если мужа имеет начальствующего, день и ночь слова его развращает к злобуйству поощряет, как Иродия Ирода.

Если мужа бедного имеет – на гнев и на ссоры его вздвигает.

Если вдова – сама собою всех бесчестит: страхом Господним не обуздывает языка, на будущий суд не взирает, на Бога не упоает, законов любви и не думает хранить.

Жене злой предать своего мужа на смерть – раз плюнуть.

Жена праведного Иона, предавая его на смерть, хуления, говорила:

– Скажи слово худое Богу и умри.

О, естество лукавое! О, воля падшая! Не умилилась, глядя на горящую утробу мужа своего, на всю плоть его, язвами

терзаемую и червями съедаемую, не преклонила к благоутробию, видя его нагим, больным, страдающим, задыхающимся от несчастий и болезней. Не смягчилась, видевшая его в т время, когда еще ходил он в царской порфире, а теперь – лежавшего перед ней на гноище больным телом.

Не вспомнила, как расцвела она среди соковищ его. Нет.

– Похули Бога и умри, – вот и все, что она могла ему сказать.

Вот благодарение жены! Вот и законы супружеской верности! Разве он, когда ты лежала в недуге, говорил такие слова? Не молитвами ли, не благодареньями ли он исцелил он тебя? Не кажется ли тебе, что хватит с него и сего временного наказания, ты же и вечную муку ему ходатайствуешь похулением Божьим? Или не знаешь, что всякий грех отпустится человекам, хула же на Духа святого не отпустится ни в этом веке, ни в будущем.

Хочешь ли увидеть и иную жену, лукавством тебе подобную? Так посмотри же на Далиду, связавшую мужа своего Самсона и предавшую его иноплеменникам. Своего сожителя, которого грела, которого ласкала, которому льстила, говоря, что любит его больше самой себе. Вчера любила – сегодня прельстила. Вчера, телом отогревая, лобызала – сегодня, прельщая, приготовила ему погребение. Разве он не был красив? Кто же был прекрасней в то время, чем он, носивший семь волос на главе своей, образ семисветлой благодати хранивший. Разве он не был мужествен? Кто же мог поспорить с мужеством его? Один на один – страшного льва на своем пути победил, один – против многих – ослиной челюстью тысячу врагов победил. Разве он не был свят? Настолько свят,

что, возжаждав некогда в скудности своей, помолился о воде, и из мертвой челюсти живая вода истекла, которой он и утолил жажду. Такого-то, действительно прекрасного, действительно мужественного, такого – святого – жена его собственная, как врага, предала в руки супостатам.

И каким же образом слабая жена столь сильного превозмогла? По причине, свойственной ему, как мужу, благодати. Доверился он ей. Она же, тайну его силы ночью украв, нагого и беззащитного, связала крепкими веревками. Поэтому и говорит мудрость: от сообщницы ложа своего храни слово твое.

Какой, скажите мне, на свой мужской пол такое помыслить может?

Какая змея супружника своего погубить хочет?

Какая львица своего мужа на закланье предаст?

Вот и смотри, сколь подобающе говорит премудрость: нет главы, больше главы змеиной, и нет злобы, больше злобы женской – Сирах.

А заодно скажу: имеющий жену зобную пусть знает, что имеет воздаяние за беззакония свои.

И сие слово бессвидетельно; слушай премудрость говорящую: жена злая мужу беззаконному дана будет за дела злые.

Но хватит уже говорить о злой жене.

Подобает нам вспомнить и добрых жен, а наиболее ради тех, которые здесь присутствуют.

Почему же мы назвали их добрыми?

Потому, что они, видя добродетели других, радуются о них, как о своих, и труды первых надеются обрести, как свои венцы.

Благой и страннолюбивой женой была блаженная соманитяныня, которая умолила мужа создать Елисею обиталище, чтобы, останавливаясь

у них, он обретал покой. Она поставила в покоях его одр, светильник и трапезу. Одр не праздно разукрашенный, но имеющий подобающие пророку постлания. Светильник не без света, но с елеем горящим и светящимся. Трапезу не пустую, но плодовитую брашнями.

Можно вспомнить и о вдове убогой, которая Илию-пророка в дом свой приняла. Нищета ее не помешала ей, ибо она имела богатство добродетельного произволения. Не было у нее ни пшеницы, ни вина, ни иного чего-нибудь от благ земных, утешающих убожество бедных. Поле ей хлебного семени не приносило, виноград ее своими сладосточными гвоздьями не утешал, дерево овоща ей сладкого не давало. Да и как же иначе? Ведь у нее не было ни пяди земли, где можно было вырастить пшеницу или посадить виноград.

Что там! Во время жатвы обходила она бразды жнущих и кланялась, собирала падающие колосья – так и готовила себе пропитание на целый год, более чем умиленная.

К ней и пришел Илия во время голода, когда вся земля от бездождия сокрушаема была, когда палило солнце и раскалялись воздушные струи, когда облака были обузданы Ангелом Всевышнего, когда не произрастал ни злак, ни цветок, когда реки истошились и сосцы водные высохли, стиснутые зноем, а море было весьма солоно, – тогда и пришел Илия к убогой вдовице.

Как страдала вдовица, даже во время приношения плодов, вы знаете.

Но пророк оставил богатых с их хлебным изобилием, и, сойдя с горы, пришел именно к ней.

Чего же ради Илия, сводивший словом с небес огонь, не попросил для себя хлебов?

Разве что – не мог? Нет, мог, но не сотворил этого.

А ради чего? Ради того, чтобы не лишать вдовицу плодов страннолюбия, и умножить благословением своим горсточку муки и небольшое количество елея. Не столько напитаться пророк пришел, сколь напитать убогую, и явной сотворить сокровенную добродетель ее сердца и его благопроизволение. Так говорит Бог: могущий напитать всех рабов своих собой, требует подаяния, чтобы рассудить благопроизволение сердец в плодах их страннолюбия. И когда не обретается таковой страннолюбец, тогда Господь сам питает пророка-странника, как Даниила во рву, или через животное морское, как Иону – китом, или сам собою пищу посылая, как отцам нашим в пустыне, одождив для них манну с небес и источив из камня воду.

Когда же святые в мире сожительствуют с прочими, удерживает десницу свою, даже если и видит тех в печали, оставляет их, чтобы дать благодать тем, которые захотят благодарить им, и, поступая так, многие получают спасение.

Пришел Илия к вдовице, а у нее и было только – что – горсть муки, едва на один обед ей и чадам ее хватало.

И что сказал ей пророк:

Принеси мне немного воды в чванце!

И когда она уже уходила, произнес:

– И хлеба печеного принеси.

Она же отвечала в простоте:

– Жив Господь, Бог твой! У меня нет ничего печеного, а только горсть муки в кадке и немного елея в чванце.

Дивно то, что пребывая в скудности такой, не скрыла вдовица остатка своего.

Сколько ныне имущих множество серебра и золота, и, будучи умоляемы друзьями, они не подают: если просьбой умоляемы – отрицаются в имении своем, а если взаимы дают, то расписку берут тверже железа и приемлющего всякими подписями связывают, приглашая свидетелей и поручников.

А та, о которой я говорю, с одного слова открыла имение свое.

И что же сказал ей пророк?

– Потщися и сделай мне опреснок, во-первых – мне, а потом и себе самой и чадам твоим.

Искушением был глагол пророческий, искушением сердца, истязанием произволения.

И лежало сердце блаженной, как будто под игом, будучи искушаемо: куда обратиться?

К милосердию ли, к чадам своим или к страннолюбью?

Но избрала она последнее, утеснив себя и детей своих, ибо ведала: кто принимает пророка во имя пророка получит награду пророка, и кто напоит одного из малых сих чашею холодной воды во имя ученика не потеряет награды своей.

Что же означает слово пророка:

– Потщися...

Неужели он так алкал, что не мог обойтись без тщания вдовицы?

Нет, но сим словом Илия таинственно изъявлял, что благодеяние должно быть творимо с усердием и радостью; а не с печалью и нуждой: доброхотного даятеля любит Бог.

– Потщися и сделай сначала мне, а потом и тебе самой и чадам своим.

Потщися; как Авраам в пришествие Ангелов потщился заклать тельца, чтобы принять агнца и как Сарра потщилась сотворить опресноки, чтобы принять с небес сокровенные хлеба.

Потщися и сотвори жертвы Богу, как Авраам, но не сперва – тебе самой, а тогда уж и мне, как Каин, Орфей и Финеес, сыновья Илия – иерея, приуничижавшие Бога и взимавшие первоначатки приносимых Богу даров.

Вдовица же тщательно повеленное сотворила.

Он же хлеб малый, подаваемый с богатым усердием, принял, вкусил и дом ее исполнил благ.

– Не оскудеет, – сказал он, – горсть муки в водоносе и елей в чванце, пока не даст Господь дождь на землю.

Почему именно до тех пор?

В сих словах было таинственное предвозвещание: с новой благодатью, как с дождем, на землю пришедшим, старый закон примет конец.

И последовало дело слову.

Видишь ли, как добрые жены страннолюбия плоды собирают. Благих трудов плоды благославны, и корень целомудрия гниению не поддается.

Вы слышали, жены, о деяниях злых жен и о добродетелях благих?

Одних возлюбите, других же не возжелайте.

Одним подражайте, других возненавидьте, ибо исседующие пути благих сопричтутся лику святых во Христе Иисусе, Господе нашем, ему же Слава и держава во веки веков. Аминь.

Господи Иисусе Христе, помилуй нас молитвами Святого Отца нашего Иоанна Златоустого и всех Святых.

Аминь

Иоанн Златоуст – святой, один из великих отцов церкви. Родился в 347 году в Антиохии – крупнейшем центре эллинизованного Востока, столице провинции Сирии. Отец Иоанна, начальник сирийского ополчения, погиб, когда матери святого было 20 лет. Анфиса, мать Иоанна, будучи христианкой, сыграла огромную роль в духовном его становлении.

В то время в Антиохии христианских школ еще не было, поэтому Иоанн окончил языческую школу. Уже в 17 лет он приобрел известность своими широкими познаниями и необыкновенным красноречием. Некоторое время был адвокатом, однако вскоре оставил светскую жизнь, оделся в бедные одежды черного цвета и затворился в доме матери.

В 364 году Иоанн знакомится с епископом Антиохии св. Мелетием, который спустя три года крестил Иоанна. Крещение для Иоанна стало значительнейшим фактом внутренней жизни. По принятии этого таинства, он никогда не употреблял клятвы, никогда не лгал, не злословил, не желал никому зла. Еще через три года /370 г./ св. Мелетий определил его в клир, на должность чтеца.

После смерти матери /374-375/ Иоанн удаляется в пустыню, где проводит 4 года в обществе монахов, и еще два года – в полном уединении. В пустыне начинается литературная деятельность Иоанна Златоуста. Он пишет "Слово к Дмитрию" и позже "К Федору падшему", "Слово о священстве" – это сочинение одно из лучших произведений святоотеческой литературы. В нем изображается идеальный христианский пастырь, определяется круг обязанностей священника и необходимые личные качества для человека, принимающего сан.

Во второй половине IV века объектом ожесточенных споров стало христианское монашество. В числе наиболее ревностных защитников монашеского подвига – Иоанн Златоуст. Он пишет "Три слова против вооружающихся на ищущих монашество", в которых развивает мысль о том, что монашеская жизнь – лучшее средство сохранить индивидуальную свободу от деспотии общественных интересов и среды и в то же время – лучший способ послужить высшим интересам общества. Внутренняя свобода, приобретаемая в монашестве, позволяет Иоанну сравнить инока с царем – не в пользу последнего. Защита Златоустом монашества сыграла важную роль в борьбе против языческой реакции и арианства.

Однако непрестанная жестокая аскеза расстроила здоровье Иоанна, и он возвращается в Антиохию, где принимает сан диакона, а в 386 году рукоположен в священники.

Иоанн был прирожденный проповедник, поэтому необходимая обязанность пресвитера: произносить проповеди – позволила полностью развиваться лучшим сторонам дарования Златоуста. По меньшей мере, раз в неделю он произносит проповедь. Иногда это результат тщательной предварительной подготовки, иногда – недолгого предварительного размышления, а нередко – блистательная, построенная по всем законам классического красноречия, импровизация. Беседы Иоанна записывались специальными скорописцами и во многих списках расходились по Антиохии.

В 397 году Иоанн избран архиепископом Константинополя, фактически становится главой Восточной Церкви. Появление на том посту человека, малоизвестного в столице, без всяких светских связей и знакомств, было с неудовольствием воспринято придворными кругами и частью города. Неудовольствие перешло в открытую

враждебность, когда Иоанн, вопреки примеру своего предшественника, отказался устраивать и посещать пиры, а большую часть положенного архиепископу содержания выделил в помощь бедным, устроив в городе несколько больниц и других благотворительных заведений.

Противники Иоанна искали повода к его удалению – и повод вскоре возник. Одну из проповедей Иоанна /Слово против суетных женщин/ императрица Евдоксия приняла как личное оскорбление, и по ее настоянию был созван собор, состоявший в основном из врагов архиепископа. Собор этот осудил Иоанна по обвинениям частью заведомо вымышленным, частью ничтожным /например, за то, что он не знает гостеприимства, что слишком милостив к грешникам и язычникам, что чересчур строг к духовенству/. Однако и этого было довольно, чтобы вынести Иоанну смертный приговор, который императору заменил изгнанием. Толпы народа собрались у храма, чтобы оберегать своего пастыря. Но Иоанн не воспользовался беспорядками в столице. Тайно от народа он предал себя в руки чиновнику, который должен был отвести его в ссылку.

Едва только осужденный покинул Константинополь, в столице случилось страшное землетрясение, в котором мучимая совесть Евдоксия увидела знамение Божьего гнева за несправедное гонение на Иоанна. Императрица поторопилась вернуть Иоанна, который был с большой торжественностью встречен через день после своего изгнания.

Первый урок столкновения со светской властью не был усвоен Иоанном должным образом: в проповедях он продолжает громить пороки общества и духовенства, открыто обличает атмосферу интриг, царящую при дворе, расширяет благотворительную деятельность. Не удивительно поэтому, что вскоре последовало второе, на этот раз окончательное удаление его с архиепископом кафедр.

20 июня 404 года Иоанн сослан в Кукуз /в Армении/. Спустя два года в Кукуз из Константинополя прибыли чиновники с приказом императора препроводить ссыльного в Питиус /ныне – известный курорт Пицунда/. Если для наших современников название Пиценда ассоциирует с комфортабельными отелями и роскошными пляжами, то для современников Иоанна Златоуста название Питиус сопрягалось с представлением о крае земли и звучало приблизительно как для нас сейчас – Сахалин, Камчатка или порт Находка.

Путь из Армении в Питиус был в V веке настолько сложен, что решение о насильственном перемещении шестидесятилетнего государственного преступника нельзя трактовать иначе, как смертный приговор.

Действительно, сопровождавшие Иоанна чиновники в течение трехмесячного пути делали все от них зависящее, чтобы до места назначения старец живым не добрался: Иоанна почти не кормили, вели в жару по самому солнцепеку, не давали спать больше четырех часов в сутки.

14 сентября 407 года Св. Иоанн Златоуст скончался в Комани. Перед смертью, приобщившись Св. Тайн, он сказал: "Слава Богу за все!". Это были последние слова одного из самых великих святых Православной Церкви.

В 438 году Иоанн Златоуст был канонизирован, а мощи его перенесены в Константинополь. Имя Златоуст – позднего происхождения, оно отражает ту высокую оценку, которую потомки дали литературной и проповеднической деятельности святого. До нашего времени дошло более 800 сочинений Иоанна Златоуста, которые считаются образцами христианского ораторского искусства.

110a

Иоанн получил прекрасное риторическое /учился у Картерия и Ливания/ и философское /учителя: Андрагафий и Диодор/ образование. От Диодора, впоследствии еп. Тарсийского, Иоанн усвоил антиохийский рациональный метод толкования Св. Писания /выработанный как альтернатива александрийскому – аллегорическому методу/. В своих толкованиях книги Ветхого и Нового Завета Иоанн чужд аллегоризма, его экзегезис, ясный и апеллирующий к разуму верующих, признан классическим в христианской литературе.

Основное значение трудов Иоанна – в области практической морали и выявлении принципов христианской социологии. В его проповедях затронуты вопросы христианской семьи, воспитания детей, молитвы – домашней и общественной, значения приходского храма для населения, труда – как морального фактора и как основы общественного благосостояния, заботы об общем благе и христианской взаимопомощи, наконец – вопрос б уничтожении рабства.

Проповеди Иоанна – настоящая энциклопедия христианской этики. Антиеретические труды Св. Иоанна замечательны тем, что в отличие от современной ему литературы аналогичного направления, в них нет момента личного раздражения и человеческого уничижения противников – при сохранении общего чурового, критического тона. Когда его упрекали за строгие нападки на еретиков, он отвечал: "И мы ведем войну, но наша война не живого делает мертвым, а мертвого /духовно/ живым. Не еретика преследую, а ерет, не грешника, а грех. Сколько бы ты меня не бранил, от чистого сердца говорю тебе: мир, ибо любовь Отца во мне. Тем более буду любить вас, чем менее буду любим вами".

Переводы:

Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста. Спб. 1898-1912 гг. Издание второе – 1895-1906, т. 1-12.

КАЗИМИР МАЛЕВИЧ

К НОВОМУ ЛИКУ

Казимир Северинович Малевич, основатель супрематизма. Родился в Киеве 2 февраля 1878 г., отец поляк, мать русская. После окончания Киевского художественного училища, около 1900 г. уехал в Москву, где поступил в Академию изящных искусств. Около 1910 г. под влиянием современного французского искусства стал радикальным фовистом.

В 1911 году выставляется с художниками группы "Бубновый валет". С 1913 года состоит в обществе художников "Союз молодежи". После кратковременного пребывания в Париже /1912/ Малевич начинает работать в манере кубизма. В 1913-1915 г.г. художник вырабатывает основы русского конструктивизма, который он называет "супрематизмом".

В своих исканиях Малевич отводит главное место первичным геометрическим формам /на плоскости – квадрат, круг, треугольник, в объеме – куб, шар, конус/ и чистому локальному цвету.

Участвует в художественных выставках Москвы и Петербурга: выставки "Союза молодежи" /1913, 1914 г.г./, выставка произведений футуристов /1914/, выставка "Бюро Добычиной", выставка футуристов "0-10" /1916/ и др., принимает участие в оформлении футуристического спектакля "Победа над солнцем" Крученых. К 1915-1916 г. г. относятся полиграфические работы Малевича: из которых самая известная – литографии и шрифт /совместно с Филоновым/ в "Изборнике" В. Хлебникова 1915 г.

На выставке живописи в Москве Малевич выставляет холст, на котором изображен черный прямоугольник на белом фоне, и позже в 1919 году – два белых квадрата на белом /ныне находится в Музее Современного искусства, Нью-Йорк/.

С 1918 по 1921 год Малевич занимает ответственные преподавательские должности в Москве и в Воронеже.

В начале 20-х годов Малевич сближается с философами и художниками группы "Маковец" /Флоренский, Чакрыгин и др./ . К этому же времени относится начало нового этапа в творчестве художника – у него возникает интерес к формам первобытного и ранне-европейского знакового изобразительного искусства, сопровождающийся изменением представлений о форме в целом.

Отношение официальных кругов к абстрактному искусству заставляет его уехать в Ленинград в 1921 году. С тех пор до самой смерти он живет на ул. Союза Связи д. 5 кв. 5 и, если не считать поездок в Польшу /1926 г./ и в Германию /1927 г. Баухауз/, – из Ленинграда не выезжает.

К. С. Малевич умер в нищете в 1935 году. Он завещал похоронить себя в гробу кубической формы. Похоронная процессия с кубическим гробом двигались по Невскому, направляясь к Московскому вокзалу, откуда тело художника было перевезено в указанное им в завещании место по Московской железной дороге. Похоронную процессию составляли две, враждебные друг другу, группы почитателей и друзей художника: атеистически настроенные бывшие футуристы и те, с кем Малевич сблизился в последние годы жизни – люди, близкие

христианству и разделяющие мистические представления, которые с особой силой выявились в мировоззрении художника на рубеже 20-х-30-х годов.

Смерти Малевича было посвящено известное стихотворение Д. Хармса.

Мы предлагаем вниманию читателей манифест Казимира Малевича "К новому лику".

Лицо ваше стерто, как старая монета, – чистили его много веков авторитеты и на тряпке прошлых красот растерли ваш бодрый лик.

Старались отшлифовать вашу Душу и творческий Дух по образу и подобию давно угасших богов, чем сгладили ваше острое Я.

И стали вы тем самым камнем, который умертвил в угоду прошлому и будущему.

Но мы сумели скрыть наше Я от касания руки авторитетов и сотворили свой лик.

И объявляем время наше площадью нашего века, на которой раскинем свои формы.

Пусть Пракситель, Фидий, Рафаэль, Рубенс и все их поколения догорают в кельях и на кладбищах.

Пусть сторожат свое умершее время.

Пусть несут в них останками свое Я.

Но мы преобразуем лицо свое нашим временем и формами, образуем время, поставим печать лица своего и оставим узанным в потоке веков.

Очищайте площади от обломков старого, ибо воздвигнутся храмы нашего лика.

Очищайте себя от накопления форм, принадлежащих прошлым векам.

Так как должны поместить новый ритм времени.
Уведите себя с проторенных дорог, усеянных заборами крестов кладбища, ибо они
служат путями к погасшим дням.

1919 г.

Л. А. Рудкевич

О вере: этологический этюд.

Много тысяч лет назад, когда природе стало угодно наделить разумом одно из живых существ, населяющих землю, она избрала одно из самых слабых и незаметных животных – предка человека. Человек стал обладателем разума по праву слабейшего. Бесценный дар от природы позволил ему не только выжить вопреки телесной немощи, но и возноситься над другими, менее разумными организмами.

Львы, тигры, медведи и другие могучие хищники не пошли по такому пути эволюции, и это вполне закономерно. Сочетание силы и ума могло иметь для природы убийственные последствия. Поэтому, для того, чтобы выжить самому, не уничтожив при том все живущее вокруг себя, разумным хищникам пришлось бы еще до обретения совершенного разума обрести строгую мораль, что мало вероятно.

Однако никто не мешает нам немного пофантазировать и представить себе общество разумных хищников, скажем, кошек. Подобная фантазия не оригинальна. В 1969 г. в русском переводе вышла книга китайского писателя Лао Ше: "Записки о кошачьем городе". Эта повесть, представляющая одну из наименее удачных попыток создания социальной антиутопии, могла бы быть куда более яркой и интересной, если бы ее автор обладал небольшими познаниями в области этологии – науки о врожденных формах поведения.

В этом случае обычаи населения кошачьего города сводились бы отнюдь не только к необъяснимому правилу строить дома без крыши. Прежде всего – любая кошка – анархист. Она не воспитана

в стаде и потому не признает авторитетов. Следовательно, авторитарный строй в кошачьем городе был бы невозможен. Тем более невозможной была бы монархия, т. к. большая плодовитость кошек неизбежно приводила бы к борьбе за престол между "сыновьями" первого поколения.

Агрессивность кошек распространяется только на других животных, по отношению друг к другу кошки значительно гуманнее людей. Очевидно, моральные заповеди в кошачьем государстве касались бы в основном непланомерного и бесцельного истребления грызунов, птиц и других мелких животных (впрочем, от этих заповедей все равно было бы мало толку, ведь кошки никогда не согласились бы принять какое бы то ни было правило поведения, противоречащее их природным инстинктам). В то же время мораль была бы просто излишней в пределах самого кошачьего общества, в нем и обычно без этого не было бы ни войн, ни преступлений. Глаголом "убить" кошки обозначали бы лишение жизни других животных, существительного "убийство" в том его смысле, который вкладывают в него люди, в их языке вообще бы не существовало.

Кошки – животное полигамное. Супружеских пар она не образует. Значит, у кошек была бы невозможна ни верность, ни ревность, ни измена. Для человека очарование кошки заключается в неповторимой грации движений, в великолепии волосяного покрова, в неотразимом блеске зеленых глаз. Для кота – в гамме запахов, сопровождающих самку. Коты-поэты, списывая прелести своей усатой возлюбленной, живописали бы не ее светлый облик и не изысканность манер, а нежные запахи, сопровождавшие ее появление.

Слово кошка оскорбляло бы слух разумных котов. Чтобы отместить

унизительное подозрение в родстве с камышевым котом, тиграми, рысями и пантерами, ученые коты, наверное, насочиняли бы уйму дурацких теорий о происхождении разумных кошек от жителей других планет, из космического излучения или какой-нибудь праны. Однако навряд ли они могли бы признать акт божественного творения.

Разумные кошки, возможно, были бы невероятно суеверны, они верили бы в различные приметы, но вот постичь веру в бога они никак не смогли бы. Не смогли бы, поскольку в самой структуре их психики не оказалось бы необходимой предпосылки для восприятия идеи бога, которая могла бы возникнуть только в мозгу стадного животного, такого как собака или обезьяна.

Кошка – саморегулирующая живая система. Она не нуждается в руководстве, у нее нет потребности подчинения или подчинять себе других кошек. Контур регулирования поведения у нее замкнут в виде кольца, как у холодильника или утюга с терморегулятором, который нагревшись до нужной температуры, отключается сам, без посторонней помощи. Побудительные мотивы поведения кошки – ее собственные желания. Голодная кошка будет преследовать добычу, уставшая – свернется клубочком и закроет глаза.

Подобная свобода действий и во сне не приснится обезьяне или другому стадному животному. Закон стада – беспрекословное подчинение вожаку. Поведение каждого члена сообщества жестко регламентируется его волей. Без санкции вожака голодная обезьяна не имеет права даже взять и положить в рот лежащую перед ней пищу, тем не менее, ни одна обезьяна не ощущает своего бесправного положения и не желает совершить революцию.

Свобода в стаде – осознанная необходимость подчиняться вожаку. Контур регулирования члена стада разомкнут, на подобии дуги, поэтому они не в состоянии самостоятельно организовать свое поведение. Так же как пущенный без управления автомобиль в конце концов врежется в столб или опрокинется в кювет, оставленное на произвол судьбы общественное животное погибает от голода или будет растерзано хищником.

Правильность команд вожака не подвергается сомнению не потому, что вожак умнее других членов стада, а потому, что последние без этих команд просто не будут знать, что делать, т. е. не смогут организовать свое поведение.

Присутствие вожака необходимо любому члену стада как побудительный мотив его поведения. Вожак для него такой же необходимый компонент окружающей среды, как свет или тепло. Поэтому усомниться в справедливости вожака или оказать ему сопротивление стадному животному представилось бы столь же нелепым, как пытаться погасить слишком знойное солнце или опреснить океан.

В противоположность этому любое угнетение личности в кошачьем государстве неминуемо привело бы к революции, правда бескровной. Я ведь уже писал о том, что кошки не способны убивать своих собратьев. Впрочем, революция вряд ли была бы вообще необходима, ведь "власть имущие" не смогли бы подчинить себе "подданных" по той же причине.

Общество предков человека было сугубо авторитетным. Подчинение вожаку – строгим и беспрекословным. С прогрессом первобытной цивилизации сознание человека эволюционировало, формировалось восприятие себя и других членов общества. Особо важное значение имела эволюция восприятия вожака стада. Для первобытного человека вожак не более умный и сильный наставник

и не тиран, добившийся власти; вожак – персонифицированный бог, безапелляционный арбитр во всех вопросах. Сравнить вожака с собой или с другими членами стада никто не мог. Если бы первобытному человеку удалось это сделать, он, по всей видимости, обнаружил бы, что вожак отнюдь не "божественного" происхождения и ему наверняка захотелось бы самому занять его место (ведь в отличие от хищных животных, люди агрессивны и тщеславны). А коль скоро люди в те стародавние времена еще не имели благоприятной возможности прийти воскресным утром на избирательный участок и отдать там свои голоса за наиболее достойных, над обществом нависла опасность борьбы за власть, которая могла привести его к распаду.

Но мышление первобытного человека было оптимистическим. Как отдельные члены общества, так и вожак отождествлялись с какими-то предметами или символами. Поэтому даже после смерти вожака общество не распалось на независимые элементы даже в том случае, когда новый вожак не занимал его место. Иерархия общества сохранялась с тем лишь отличием, что на ее вершине стоял теперь не реальный, а мнимый вожак. История повторяется.

Вспомним, что в 1498 г. после казни Савонаролы главой Флорентийской республики стал Иисус Христос.

На этой стадии эволюции общества впервые возникло мистическое сознание, реальный вожак, персонифицированный бог сменился воображаемым богом, воспринимаемым не органами чувств, а сознанием первобытного человека. При этом сохранился и реальный вожак, его лишь понизили в должности. Прежде он находился на самой вершине иерархии и сам был источником императивного поведения членов стада, теперь ему отвели роль посредника

между богом и человеком: из этого следовало, что вожак уже не должен был непременно превосходить своих соплеменников в физической силе и даже в уме, непоколебимое убеждение в его божественном призвании стало более чем достаточным условием строгого послушания и, в принципе, исключало борьбу за власть.

Однако подчиненное положение первобытного человека ограничивало его инициативу, ограничивало возможности исследователя. Поведение исследователя должно быть автономно, а мышление свободно, независимо – это основная предпосылка успешности в познании окружающего мира. Исследователями были молодые. Они не признавали авторитетов, не желали признать законов стада. Именно тогда в первобытном обществе наиболее драматично встала извечная проблема отцов и детей. У молодого организма замкнутый контур регулирования, он независим и использует эту независимость для исследования окружающей среды. С возрастом контур замыкается, организм встраивается в иерархическую структуру стада, становясь его полноправным членом.

У нестадных животных контур регулирования поведением остается незамкнутым на всю жизнь, поэтому поведение их независимо, к примеру их очень трудно дрессировать или обучать командам. Конечно, приложив немалые усилия можно научить кошку не рвать занавески и не воровать мясо из кастрюли, но она обучится, лишь уступая воле сильнейшего, а не усваивая его мировоззрение. Т. е. это явление скорее можно было бы назвать не обучением, а вынужденным подчинением. Например, отпирая ключом входную дверь, я часто слышу в комнате мягкий прыжок, это моя кошка спрыгивает с обеденного стола, где ей запрещается сидеть. Собака – стадное животное – ведет себя совсем иначе. Она не просто подчиняется

воле вожака, роль которого берет на себя человек, но и перестраивает под его влиянием все свое "мировоззрение", всю схему поведения. Даже в отсутствии хозяина обученная собака не совершит поступка, который может вызвать его порицание. В этом и заключается этологические основы религиозности. "Религиозные" животные так же как и религиозные люди по основе обучения приобретают такой паттерн поведения, который как бы исходит из воли высшего разума и не подвергается рациональному анализу.

Собака выбирает себе хозяина (т.е. вожака) в первые месяцы жизни, далее этот процесс происходит с большим трудом, а у некоторых пород собак, например у чау-чау, становится вообще невозможным. Это явление несложно объяснить. На ранних этапах индивидуального развития нервная система пластична, в ней легко образуются новые временные связи – основа обучения. С созреванием организма наступает "кристаллизация", психика становится регидной. Выработанные на ранних этапах жизни схемы поведения становятся незыблемыми, они накладываются на конкретную ситуацию подобно клише или шаблону, т.е. на все внешнее стимулы организм отвечает уже готовыми реакциями, либо возроденными, инстинктивными, либо ранее приобретенными, условно рефлекторными. В новой, необычной ситуации жесткая схема поведения может, однако же "не сработать", т.е. в психологическом арсенале может не оказаться реакции адекватной стимулу. Значит, чем разнообразнее условия окружения, чем сложнее общая схема поведения животного, тем более целесообразным становится продление процесса обучения, сохранение способности к образованию новых нервных связей на более поздних этапах жизни. В связи с этим

высокий уровень биологической организации, как правило, связан с поздней "кристаллизацией". Не только у одного человека способность к обучению сохраняется на протяжении почти всей жизни, вплоть до старости. Т.е. психологически "старость у человека соответствует зрелости у других млекопитающих". Такое запоздалое психическое развитие человека – следствие специфических условий его эволюции. Эволюция человека сопровождалась удлинением программы его развития, вследствие чего у взрослого организма сохранился целый ряд инфантильных признаков, таких как большой мозг, крупные глазницы, авантюризм, неутолимое любопытство.

Последние качества утрачиваются только в позднем возрасте, чем и объясняется конформность, догматизм, старомодные вкусы и консервативные взгляды старых людей.

Общество наших предков было геронтократическим. Все перечисленные выше признаки старых людей почитались как положительные (кстати сказать, и в современном обществе нечто подобное обозначается туманным термином – житейская мудрость). Молодые люди с их неподатливостью и бунтовством никак не способные найти свое место в общественной иерархии. На первых этапах жизни, пока они малы и слабосильны, их мятежный нрав подавляется чисто физическим методом. Но сила мышц молодых организмов становится уже сравнимой с силой взрослых, а разум позволяет осмыслить окружающее практически, над обществом нависает угроза анархии. А поскольку в те стародавние времена люди еще не знали аминазина, инсулинового шока и других изысканных и прогрессивных приемов насилия над личностью, универсальным методом лечения свободомыслия стали телесные наказания.

Основным способом психологического подавления личности был обряд инициации, который сопровождался поистине зверскими пытками. Эти пытки имели большое биологическое значение – болевые импульсы возбуждали эмоциональные центры, расположенные в глубинных отделах мозга, где и замыкается "кольцо" – контур регулирования поведением. Интенсивная эмоциональная бомбардировка как бы размыкала это "кольцо".

Образ инициации не исчерпывался одними телесными пытками. Мальчиков, проходивших его, одновременно посвящали в "тайнства", обучали законам социальной жизни. Т.е. во время обряда инициации реорганизовывалась психологическая структура личности, она становилась способной ассимилировать в голову подростка. После такой процедуры молодой человек обыкновенно умирал свой юношеский пыл и усваивал религию старших членов общества, если же, вопреки всем усилиям, он оказывался чересчур строптивым, его изгоняли, как еретика или физически уничтожали.

С переходом предков человека к прямохождению, изменился характер полового поведения. Роль самки стала пассивной, а ее положение – подчиненным. Такая позиция женщины в половом поведении как бы экстраполировалась на ее положение в обществе в целом.

Инициацию проходили только мальчики. Никаких специальных усилий не требовалось для того, чтобы подавить сопротивление женщины. Свободолюбивая, не переносящая над собой ничьей власти девушка просто оставалась старой девой, род ее прекращался, генетические признаки не воспроизводились в потомстве. Т.е. независимость, непокорность женщины элиминировались в

процессе естественного отбора, как и все другие признаки с отрицательной селективной ценностью.

Однако, стоящий вне общества диссидент мужского пола всегда мог рассчитывать на воспроизведение своих признаков в потомстве. Ведь первобытное общество еще не было строго моногамным, мужчина при сближении с женщиной в какой-то мере неизбежно преодолевал ее сопротивление. Насилие было нормой, от самки отнюдь не требовалось взаимных чувств (очевидно, в языке первобытного человека даже не было самого термина – изнасилование).

Доминантная роль мужчины, как партнера в копулятивном поведении оказалась в конфликте с его подчиненной ролью члена первобытного общества. (единственное исключение представлял, разумеется, сам вожак). Для того, чтобы подавить сопротивление подчиненных молодых людей "учителям" необходимо было разуверить их в своей природной мужской полноценности. С этой целью во время инициации тем или иным способом имитировалась кастрация – производились болезненные операции над гениталиями мальчиков, подрезалась, прокалывалась или отрезалась крайняя плоть. Подобные обряды наблюдаются даже у некоторых обезьян, что свидетельствует об очень давнем их происхождении. Вместе с тем эти дикие обычаи неимоверно живучи, они сохранились до наших дней в виде обрезания в иудаизме и в других религиях.

Аналогичный смысл несут телесные наказания, особенно удары по ягодицам. Порка – довольно удачная имитация подчинения самки самцом при копуляции. Наносящий удары "учитель", сам выступая в роли самца, ставит ученика на положение женщины, как бы демонстрируя свою сексуальную власть над ним.

Если индивид принимает закон стада и власть вожака, он оказываясь в соседстве с вожаком, принимает позу подчинения (наз. подставлением), аналогичную той которую принимает самка, готовая к совокуплению. Когда молящийся желает вступить в контакт с богом (правда уже не в физический, как в первобытном обществе, а в духовный), он в той или иной степени повторяет те же самые жесты (наклон туловища или головы, коленопреклонение). Это говорит о том, что этологически молитва восходит к подставлению, так же как сама вера – к подчинению вожаку стаи.

Столкновения консерватизма отцов с радикализмом детей, наверное, никогда не утихнут, ибо рвение представителей старшего поколения построить жизнь и мировоззрение своих детей по старым канонам не уменьшилось и в наши дни, изменились только методы воспитания. Они стали более научно-продуманными, но и, безусловно, более гуманными. Поэтому дети уже не обязательно перенимают религию своих родителей, как их фамилию. Они выбирают себе мировоззрения из многочисленного арсенала теорий, которые представляют им совершенные религии и философии. Выбор этот может определяться случаем, окружающими условиями, влиянием других людей. Но в первую очередь, мне представляется, он определяется наследственной предрасположенностью человека к той или иной форме верования. Гены ответственны за реализацию только внешних признаков, таких как цвет волос или форма носа, но и за психологические склонности и тенденции. Поэтому на вопрос останется ли человек до конца дней своих трезвелью рационалистом, буддистом, христианином или

изберет туманное мистическое мировоззрение в стиле рококо[1] – наверное, можно было бы ответить, расшифровав язык ДНК-вещества наследственности.

Все люди рождаются безбожниками. Ребенок, которого родители убедили в существовании бога, верит не в бога, а в непогрешимость слов своих родителей.

Вера может прийти только с возрастом и тем, кто внимательно читает эту статью ясен механизм такой перемены: контур регулирования поведением "размыкается", организм становится зависимым, воля гетерономной. Такая перемене имеет очень большое адаптационное значение и, без сомнения, возникла в процессе естественного отбора – молодому организму нужна независимость, чтобы исследовать окружающую среду и приспособиться к жизни в ней, взрослому организму полезна зависимость, чтобы занять свое место в иерархической структуре общества. Мышление молодого человека эмпирично, мышление зрелого зависимо. Молодой человек видит только в том, что может увидеть своими глазами, старый верит в то, что невозможно постичь эмпирически – в потусторонний разум, в Добро и Зло, в бога. "Вера молодого эволюционирует с познанием мира он много воспринимает, но мало принимает на веру, во всем сомневается. Вера зрелого человека догматична и непоколебима, ему не нужны никакие дополнительные доказательства, подтверждающие правильность принятых убеждений.

Читатель простит мне несколько своевольную аналогию, если я скажу, что человек в индивидуальном развитии эволюционирует

1. Автор намекает на антропософию (прим. ред.).

от стадии кошки к стадии собаки, т. е. от одиночного, независимого животного к стадному, религиозному. Эволюция эта не проходит синхронно у разных людей. Благодаря индивидуальным различиям психическое развитие людей идет с разной скоростью. Чем медленнее Оно[1], тем больше ювенильных (кошачьих) признаков сохраняется у зрелого человека, тем позднее и с большим трудом способен он воспринять религию, особенно ортодоксальные ее формы.

Мне кажется, некоторые читатели хотят упрекнуть меня в слишком поверхностном и примитивном понимании религии. Разумеется современные формы мистического сознания очень сложны и их не всегда можно (я сказал бы лучше – не всегда легко) свести к особенностям взаимоотношений в стаде обезьян. Проведя здесь аналогию, можно сказать, что современное христианство или буддизм так же далеко ушли от религиозности первобытного человека, как чувство любви от мотивации к копулятивному поведению у плоских червей, которые регулируется гормонально.

Все же этологическая связь этих явлений несомненна. Человек-кошка никогда не смог бы уверовать в бога, так же как человек, лишенный половых гормонов, никогда не смог бы полюбить.

В наши дни религия становится элитарной. Человек глупый и малообразованный, конечно, тоже может верить, но вера его сродни суеверию. В прежние времена, когда религию усваивали почти что с молоком матери, различия между истинно верующими

1. Разумеется, я имею в виду не скорость развития психики человека в целом, а возрастную динамику одного ее параметра-особенности

и суеверными были не столь очевидны. Теперь к вере часто приходят в более зрелом возрасте, приходят люди умные и высокообразованные, которые в силу пластичности психики, высокого интеллекта и общей культуры не смогли на раннем этапе жизни усвоить более примитивное и догматическое мировоззрение, которое навязчиво предлагало ему современное общество.

Обращение к вере помогает людям познать окружающее и свое место в мире. Оно представляет счастливую возможность познать цель и смысл жизни. Если верующий и встречается на своем пути развилку он, как правило, недолго стоит на распутье, какой-то внутренний глас таинственным образом указывает ему верный путь и, избирая его, он уже никогда не оглядывается назад. Жизнь неверующего – каскад противоречий и разочарований, сочинений о правильности избранного пути.

Ни скептицизм, ни углубленное эмпирическое познание не дает уже возможности жителю XX века достичь невозмутимости в фихтовском понимании. В мире взрослых людей не так легко оставаться ребенком.

Х

Х

Х

В 1826 году выдающийся немецкий естествоиспытатель Иоганнес Мюллер выдвинул концепцию специфической энергии органов чувств, согласно которой ощущения представляют собой разряды энергии, заключенные в рецепторном отделе нервной системы. Таким образом отрицалось подобие между ощущением и свойствами окружающих предметов.

Концепция И. Мюллера была основана на кропотливом исследовании физиологии органов чувств и подтверждалась экспериментально

(например, подводя слабый электрический ток к языку можно почувствовать кислый вкус, к глазу – вспышки яркого света, к коже – слабые болевые ощущения). "Идеализм" Миллера, как это часто случается, был не столько связан с его учением, сколько навязан критиками. Изучение процессов протекающих в зрительном анализаторе при формировании образа отнюдь не отвергает существование внешнего объекта, адекватного воспринятому. Существование зрения ни в коей мере не может поставить под сомнение существование света.

Однако, был ли свет до того, как возникло зрение? В строгом смысле – нет. Существовали электромагнитные волны, определенной длины и то, что именно эти волны стали восприниматься зрительным, а не каким-либо другим органом чувств – явление, выработанные в процессе эволюции с чисто прагматической целью. Т. е. особенности света определяются только особым строением глаза, но никак не свойствами световых волн.

В реальности световых волн не сомневается ни один зрячий человек. Но этот вопрос не становится предметом научных дискуссий только потому, что количество слепых слишком незначительно: если бы их количество было большим, слепые наверняка рассматривали свет как иллюзию, а зрячих – как заблуждающихся. При этом исследования механизмов зрительного ощущения и восприятия наверняка были бы высшим гуманизмом, отрицающим реальность света. Такая позиция была бы ошибочной, но именно такую ошибку допустит читатель, который сделает вывод, что автор этой статьи желает использовать выделенные закономерности структуры и генезиса мистического сознания для того, чтобы утверждать атеистическое мировоззрение.

128a

Изложенная выше концепция скорее делает уместным вопрос о содержании идеи бога. Т. е. чему она соответствует, существует ли бог в природе и если существует, то настолько адекватно восприятие его в психике верующего человека.

Ученым на этот вопрос не ответить принципиально. Ответить на него может один только бог.

Однако верующие вряд ли станут обращаться к богу со столь бестактным вопросом, а любопытных неверующих он почему-то обходит своим вниманием.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ТЕОЛОГИЯ

Доклад "Феноменология и теология" был прочитан 9.И.1927 года в ТЮБИНГЕНЕ и повторен 14.И.1928 года в Марбурге.

Опубликованный текст воспроизводит вторую часть марбургского доклада: "Позитивность теологии и отношение к феноменологии". Содержание части пересмотрено и расширено.

Работа входит в книгу

Вульгарное воззрение на отношение теологии и философии охотно ориентируется на противоречивые формы веры и знания, откровения и разума. Философия – это далекое откровению, лишенное веры толкование мира и жизни; теология, напротив является выражением, определенным верой, – в нашем случае христианского мировоззрения. Философия и теология, рассматриваемые таким образом, выражают собой напряжение и борьбу двух мировоззренческих позиций. Это отношение не разрешается через научную аргументацию, но через способ, меру и силу мировоззренческого убеждения и провозвестия.

Мы постигаем проблему отношения изначально иначе, мы постигаем ее как вопрос об отношении двух наук. И этот вопрос нуждается в более точном определении. Речь идет не о сравнении фактического состояния двух исторических данных наук, так мы не принимаем в расчет тот факт, что целостное состояние каждой из этих двух наук трудно изобразить сегодня при довергенции направлений обеих сторон.

На этом пути, сравнивающем фактические отношения, мы не сможем выработать основополагающего взгляда на взаимодействие

христианской теологии и философии.

Чтобы найти почву для основополагающего дискутирования проблемы, мы нуждаемся в идеальной конструкции для идей обеих наук! Из возможностей, которыми они располагают как науки, следует разрешить вопрос об их возможном отношении друг к другу.

Но подобная постановка вопроса предусматривает сначала фиксацию идеи науки вообще и обозначения фундаментальных возможных отклонений от этой идеи. /Мы не можем углубиться в эту проблему, которая должна быть пролегоменами к нашей дискуссии/. Лишь в качестве путеводителей нити дадим следующее определение науки: наука – это обосновывающее раскрытие соответственно закрытой в себе сферы сущего, следовательно, и бытия, с целью самого раскрытия. Каждая предметная сфера обладает сообразно с характером своей предметности и видом своего бытия, собственным способом возможного раскрытия, указания, обоснования и понятийного оформления образующего познания. Из идеи науки вообще, поскольку она как возможность бытия, можно показать: существуют по необходимости две основные возможности науки: науки о сущем, онтические науки /см. примечание к статье. стр. [1]/, – и одна наука о бытии, онтологическая наука, философия. Соответственно, онтические науки делают своей темой пред-лежащее сущее, которое каким-то определенным образом обнаружено уже до научного обнаружения.

Науки о пред-лежащем сущем, о позитиве, мы назовем позитивными науками. Их характеристика в том, что опредмечивание их темы совершается именно в направлении сущего как преодоление уже существующей преднаучной установки к этому сущему.

Наука же о бытии, онтология, напротив, нуждается в основательном переворачивании взгляда, направленного на сущее – от сущего

1. [Пробел в машинописи.]

к бытию, сущее между тем остается предметом внимания, конечно, при модифицированной установке. Я не рассматриваю здесь методический характер этого переворачивания. Действительные и возможные науки о сущем, позитивные науки, обладают относительным различием сообразно с тем отношением, которое ориентирует науку на определенную сферу сущего. Напротив, любая позитивная наука отличается от философии не относительно, но абсолютно.

Итак, наш тезис гласит: теология – это позитивная наука и как таковая она абсолютно отличается от философии.

Нужно спросить, как при этом абсолютном различии теология же относится к философии. Без сомнения, из этого тезиса следует, что теология как позитивная наука в основе своей стоит ближе к химии и математике, чем к философии. Таким образом мы в экстремальной форме формируем отношение между теологией и философией и формулируем его в противовес вульгарному представлению, следуя которому, каждая из названных наук имеет в качестве темы ту же самую сферу – человеческую жизнь и мир, но которая руководствуется при этом определенным способом рассмотрения: одна – принципом веры, другая – разума. Согласуясь с тезисом, мы скажем: теология – это позитивная наука и как таковая она абсолютно отличается от философии. В качестве задачи, которой мы задаемся, может выступить следующая: нужно обозначить теологию нормативной наукой и на основе этой характеристики прояснить ее возможное отношение к абсолютно отличной от нее философии.

Нужно заметить, что теология здесь берется мной в смысле христианской теологии, однако я не утверждаю, что существует лишь она одна. Хотя вопрос о том, является ли теология вообще наукой, централен, его нужно пока отложить,

и не потому, что мы хотим избежать проблемы, но потому что осмысленно этот вопрос не может быть поставлен, пока идея теологии не прояснена в определенном объеме.

Прежде чем приступить к собственному раскрытию, я разовью диспозиции следующих соображений. Согласно тезису речь идет о позитивной науке и, очевидно, о позитивной своеобразным образом. Нужно коротко обнаружить то, что вообще составляет позитивность науки:

Позитивности науки принадлежит:

^{1/} что уже как-то раскрытое сущее в определенном объеме пред-находимо как возможная тема теоретического определения и вопрошения.

^{2/} что пред-лежащий позитив пред-находится в определенном преднаучном способе обращения с сущим, в котором способ обращения уже показывает специфическую вещественность этой сферы и способ бытия рассмотренного сущего, раскрытого уже до всякого теоретического рассмотрения, пусть даже не выразительно и бессознательно.

Относится к позитивности и то, что это преднаучное отношение к пред-лежащему сущему /природа, история, хозяйство, пространство, число/ освещается и ведется единым, хотя и непонятным пониманием бытия. Значит, позитивность может варьировать соответственно вещности сущего, соответственно его способу бытия и соответственно способу преднаучной раскрытости данного сущего и способу принадлежности этой раскрытости пред-лежащему.

Возникает вопрос: в чем позитивность теологии? На этот

вопрос нужно ответить открыто, прежде чем определить ее отношение к философии. Характеризируя теологию через позитивность, мы еще не достаточно определили ее как науку; у нас еще нет полного понятия теологии как науки, у нас есть только то, что принадлежит ей как позитивной науке. Ведь прежде всего речь идет о том, чтобы обозначить одновременно в ориентации на специфическую позитивность теологии ее специфический научный характер, ее специфическую научность.

Итак, только характеристика теологии и характеристика ее научности побуждают к нам эту дисциплину как позитивную науку и дает таким образом почву для обозначения ее возможного отношения к философии. Так, наше рассмотрение получает трехслойное деление:

Членение:

а/ позитивность теологии

б/ научность теологии

в/ возможное отношение теологии как позитивной науки к философии.

а/ ПОЗИТИВНОСТЬ ТЕОЛОГИИ

Позитивная наука является обосновывающим обнаружением пред-лежащего и как-то уже обнаруженного сущего. Встает вопрос: что пред-лежит теологии? можно было бы сказать: пред-лежащим для христианской теологии является христианство как историческое происшествие, явленное религиозной и духовной историей, видимое в настоящем как всеобщее всемирноисторическое явление в своих построениях, культах, союзах и группах.

Христианство – пред-лежащий позитив, а теология – наука об этом.

Очевидно, было бы ложно определить теологию таким образом, т. к. теология сама принадлежит христианству. Теология сама по себе есть нечто, что сообщает о себе всемирноисторически, всеобщим образом во внутренней взаимосвязанности с целым христианством. Очевидно, теология не может быть наукой о христианстве как всемирноисторическом событии, она является наукой, которая сама принадлежит к этой истории христианства, несетя ею и вновь определяет ее. Значит, теология – это наука, которая сама принадлежит истории христианства, примерно так, как каждая историческая дисциплина сама является историческим явлением и является им таким образом, что сама репрезентует собой исторически изменяющееся самосознание.

Так могла бы возникнуть возможность обозначить теологию как самосознание христианства в его всемирноисторическом явлении. Но теология принадлежит христианству не только потому, что она в своей историчности вступает во взаимодействие со всеобщими явлениями культуры, теологии – это и Познание того, что позволяет христианству существовать как всемирноисторическому событию. Теология – это понятийное знание о том, что делает христианство первоначально историческим событием, знание о том, что мы попросту называем – христианскостью / [1]/ Итак, мы утверждаем: пред-лежащим /позитивом/ для теологии является христианскость. И она определяет возможную форму теологии как его позитивной науки. Встает вопрос: что значит христианскость?

Христианской мы называем веру. Ее сущность ограничивается формально следующим образом: вера – это способ экзистирования человеческого бытия, которое временит / [2]/ по собственному, существенно присущему этому способу бытия свидетельству,

1. [Пробел в машинописи.]
2. [Пробел в машинописи.]

и временит не из человеческого бытия, а также не благодаря ему, но из того, что обнаруживается в этом способе бытия, из того, во что веруют. Первоначальным для предмета веры и лишь для него обнаруживаемым и отличающим веру как откровение сущим является в "христианской" вере – Христос, распятый Бог.

Определенное таким образом через Христа отношение веры к кресту является христианским. Но Распятие и все принадлежащее ему является историческим происшествием, и это событие свидетельствует о себе в своей специфической историчности лишь для веры в Писания. Факт этот можно "осознать" лишь в вере.

Обнаруженное таким образом обладает сообразно со своим специфическим "жертвенным" характером определенным сообщением, направленным на фактически и исторически существующего человека, одновременного или не одновременного нам или же на сообщество этих отдельных как на общину. Это откровение не является в качестве сообщения передачей знания о действительных или соответственно, бывших и наступающих событиях, это сообщение делает "со-участником" в событии, предъявленном откровением или тем, что открывается в нем. Это совершающееся лишь в экзистировании со-участие дано всегда как таковое лишь в вере через веру. Но в этом "со-участия" и "со-действия" в событии распятия все человеческое бытие предстоит перед Богом как христианское, т. е. соотнесенное с крестом, и затронутая этим откровением экзистенция обнаруживается сама для себя в ее богозабытости. Итак, по смыслу - я говорю всего лишь об идеальной конструкции идеи – стояние перед Богом является перестановкой экзистенции через постигнутое в вере милосердие Бога. Следовательно,

вера постигает сама себя всегда лишь в вере. Верующий никогда толком не знает, хотя бы через теоретическую констатацию внутренних переживаний, о своем специфическом существовании: он может лишь "верить" в эту экзистенциальную возможность как то, над чем затронутое человеческое бытие не имеет власти, где оно становится рабом, предстает перед Богом и, таким образом, перерождается. Собственным экзистенциальным смыслом веры тогда будет: вера = пере-рождение. И более точно – пере-рождение не в смысле моментального преобразования какого-либо качества, но пере-рождение как модус исторического существования фактичного и верующего человеческого бытия в истории, начатого с события откровения; в истории, в которой уже сообразно смыслу откровения осуществлено полагание определенно последнего конца. Событие откровения, перешедшее в веру и совершающееся потому в верующем обнаруживает себя лишь самой вере. Лютер говорит: "Вера – это выдача себя уловленным в вещах, которые мы не видим" / [1]/. Но вера – это не нечто, в чем святое событие обнаруживает себя как происшествие, т. е. определенным образом по-другому модифицированный способ познания, вера как присвоение откровения сама образует христианское событие, т. е. способ существования, определяющий фактическое человеческое бытие в его христианскости как специфическом уделе. Вера – это понимаемое через веру существование в откровении Распятия, т. е. совершающейся истории.

Целое этого сущего, обнаруженного через веру, и обнаруженное так, что вера сама принадлежит событийной взаимосвязи этого обнаруженного в вере сущего, образует позитивность пред-находимого в теологии. Предположив, что теология зависит от веры, в то

1. [Пробел в машинописи.]

время как наука представляет собой свободно совершающееся, понятийно раскрывающее опредмечивание, теология конституирует себя в тематизации веры и того, что в вере обнаружено, т. е. "откровенного". Нужно учесть, что вера – это не просто способ раскрывающейся предметности и позитива, опредмечиваемого теологией, она сама входит в тему.

И не только это! Поскольку теология зависит от веры, она обнаруживает достаточный мотив для себя лишь в вере. И если бы вера с самого начала противоречила понятийному изложению, то теология в своем предмете /вере/ была бы совершенно несообразной концепцией. Она бы потеряла существенный момент, без которого она уже заранее никогда не станет наукой. Необходимость теологии поэтому вообще невозможно дедуцировать из сугубо рационалистической системы наук. Более того: вера не только мотивирует вторжение излагающей христианство науки; вера как возрождение является одновременно историей, в которую теология вносит и свой вклад. И только в качестве ингредиента веры как характерного исторического события теология обладает своим смыслом и правом.

Раскрыв эту зависимость, мы укажем, как через специфическую позитивность теологии, т. е. через обнаруженное в вере как вере христианское событие предудказана научность науки о вере.

б/ НАУЧНОСТЬ ТЕОЛОГИИ

Теология – это наука веры.

Об этом говорилось многое:

1/ Она – наука того, что обнаружено в вере, т. е. того, во что уверовали. Содержание веры – это не то, чему мы попросту соответствуем как взаимосвязи суждений о фактах и событиях, которые несмотря на то, что они неоднозначны в теории, могут быть присущи именно этому соответствию.

2/ Теология в единстве с этим, является и наукой о самом верующем отношении "веруемости", которая представленная как откровение, является лишь такой, какой она может быть сообразно со своей внутренней возможностью. Это значит, что вера, как верующее отношение сама – предмет веры, сама принадлежит тому, во что веруют.

3/ Теология, затем, является наукой веры не только потому, что она делает своим предметом веру и то, во что веруют, но и потому, что она сама происходит из того, во что веруют. Она является наукой, которую вера мотивирует из самой себя и оправдывает собой.

4/ Теология, наконец, является наукой веры, поскольку она не только обладает своим предметом в вере и мотивируется этим предметом, но поскольку опредмечивание веры сообразно тому, что здесь опредмечивается, обладает единственной целью – выработать саму веруемость. Формально взятая, вера представляет собой в качестве экзистирующего отношения к Распятому способ исторического бытия в истории человеческого существования, точнее исторического бытия в истории, открывающегося лишь в вере и для веры. Поэтому теология или наука о вере как о себе в историчном / [1]/ способе бытия является в своем

1. [Пробел в машинописи.]

самом внутреннем основании исторической / [1]/ наукой; и в соответствии с заключительной в вере своеобразной историчностью – "события откровения" – исторической наукой на собственный лад.

Теология как понятийная самоинтерпретация верующей экзистенции, т. е. как историческое познание, нацелена только на обнаруженную в веруемости и очерченную благодаря веруемости в своих границах прозрачность исторического события.

Следовательно, целью этой исторической науки является христианское существование само в его конкретности, а не значимая в-себе система теологических суждений о всеобщих истинах внутри какой-либо имеющейся сферы бытия. Эта прозрачность верующей экзистенции может в качестве понимания экзистенции соотноситься лишь с самим экзистированием. Каждое теологическое суждение и понятие обращено по своему содержанию, и не только на основе так называемого практического применения ко внутреннему бытию верующей экзистенции отдельного человека в общине. Специфическая содержательность предмета теологии требует того, чтобы теологическое познание ни в коем случае не опустилось бы до вольнопарящего знания о некотором содержании. В столь же малой степени теологическая прозрачность и понятийная интерпретация веры сможет обосновать и укрепить ее в своей законности, а также каким-то образом облегчить ее принятие и нахождение в нем. Теология способна лишь затруднить веру, т. е. приблизить нас к пониманию того, что веруемость приобретается как раз благодаря ей – теологии как науки – но только через веру. Таким образом, теология способна затронуть совесть, лежащей в вере как в подаренном способе существования серьезностью.

1. [Пробел в машинописи.]

Теология "способна" на это, т. е. она может это именно через "возможно".

Теология, следовательно, соответственно с определенной ей позитивностью является исторической наукой. Кажется что этим тезисом мы отрицаем возможность и необходимость как систематической так и практической теологии. однако следует учесть: мы не говорим, что есть только историческая теология, исключая как "систематическую" так и "практическую" теологию. Тезис звучит прежде всего так: теология вообще как наука исторична, на какие бы дисциплины она не делила себя. Да, как раз благодаря этому свойству становится понятным, как теология, не возвышаясь над этим, но сообразно специфическому единству ее тем делится изначально на систематическую, историческую /в более узком смысле слова/ и практическую дисциплины. Философическое понимание науки завоевывается не случайно пред-данным деление и не простым принятием технического разделения труда, чтобы затем внешне соединить различные дисциплины и сверх того образовать "всеобщее" понятие. Напротив, следует спросить о фактически пред-лежащем членении и сообщить, происходит ли это членение из сущности данной науки, почему оно происходит и в какой степени фактическая организация соответствует детерминированной своей позитивностью науке.

Но относительно теологии тогда выявится; поскольку она является понятийный интерпретацией христианской экзистенции, все понятия по своему содержанию обладают существенным отношением к христианскому событию как таковому. Понять это в его содержании и в специфическом способе бытия и понять так, как оно определяет себя в вере для веры и является задачей систематической

теологии. Другими словами: теология не потому систематична, что дробит целое содержание веры на ряд положений, чтобы погрузить их затем в рамки системы и доказать тем самым значительность этой системы. Она систематична не благодаря построению системы, но, наоборот, благодаря бегству от системы, в том смысле, что она стремится лишь вывести на свет [1] христианского события так такового, т. е. поставить верующего как понятийного постигающего в историю откровения. Чем историчнее / [2]/ теология, тем непосредственнее облачает она историчность / [3]/ веры в слово и понятие, тем "систематичнее" она, тем менее она становится рабом системы. Первоначальность знания об этой задаче и его методические предпосылки являются критерием научного уровня систематической теологии. Задача его тем уверенней и чище, чем непосредственнее теология передает понятие и понятийные взаимозависимости специфической содержательности сущего, которое опредмечивает ее. Чем однозначнее отворачивается теология от применения какой бы то ни было философии и ее системы, тем философичнее она в присущей ей научности.

С другой стороны, имеет значение: чем систематичнее теология в обозначенном смысле слова, тем непосредственнее обосновывает себя тем самым необходимость исторической / [4]/ теологии в более узком смысле слова как экзегезы, истории церкви и истории догм. И если эти дисциплины хотят быть истинной теологией, а не особыми частями исторических наук, всеобщих и профанирующих, тогда им следует обозначить свой предмет перед лицом правильно понятой систематической теологии.

1. [Пробел в машинописи.]
2. [Пробел в машинописи.]
3. [Пробел в машинописи.]
4. [Пробел в машинописи.]

И все же к самоинтерпретации христианского события как исторического принадлежит то, что оно в постоянном обновлении производит присвоение своей собственной историчности и выросшего в ней понимания возможностей верующего тут-бытия. Поскольку теология как систематическая и одновременно историческая дисциплина обладает изначально христианским событием в его христианскости и историчности как своим предметом, событие же это определяет себя как способ существования верующего, а экзистирование является действием, т. е. [1], теология по своей сущности обладает характером практической науки. Как наука о действии Бога в действующем с верой человеке – она изначально "гомелетична".

И единственно поэтому существует возможность того, чтобы теология в ее практической организации конституировала себя как практическая теология, как гомелетика и катехетика, а не потому, что из определенных потребностей складывается требование применить теоретичное в себе суждение на практике. Систематична теология только потому, что она историко-практична. Исторична потому, что системно-практична. Практична, потому, что она системно-исторична. Все эти характеристики существенно зависят друг от друга. Сегодняшние теологические контroversы могут стать действительным спором в плодотворной коммуникации, если проблема теологии как науки будет ориентирована на центральный, возникший из идеи теологии как позитивной науки вопрос: каково основание специфического единства и необходимого разнообразия систематических, исторических и практических дисциплин в теологии?

Очерченный бегло характер теологии мы вкратце опишем, показав, чем теология не является.

1. [Пробел в машинописи.]

Понятие теологии означает: наука о Боге. Но Бог ни в коем случае не может быть предметом ее исследования, как, скажем, животные являются предметом зоологии. Теология – это не спекулятивное познание Бога. В той же степени мы не затронем понятия, если мы распишем тему и скажем: предметом теологии является вообще отношение Бога к человеку и наоборот; тогда теология стала бы религиозной философией или религиозной историей, коротко религиозной наукой. Еще меньше она является наукой о человеке, его религиозных состояниях и переживаниях в смысле религиозной психологии: наукой о переживаниях через анализ которых в конце концов в человеке открывается Бог. Можно лишь принять, что теология не покрывается: ни спекулятивным познанием Бога, ни наукой о религии и религиозной психологией вообще, но необходимо одновременно подчеркнуть, что теология представляет собой особый случай религиозной философии, религиозной истории и т. д., т. е. философско-исторически-психологической науки о христианской религии. После сказанного, однако становится ясным: систематическая теология не является ориентированной на христианскую религию религиозной философией, в столь же малой степени, в коей церковная история представляет собой ограниченную христианской религией религиозную философию. Во всех этих интерпретациях теологии уже заранее утеряна идея этой науки, поскольку она выводится не из взгляда на специфическую позитивность, но завоевывается на пути дедукции и специализации нетеологических и совершенно гетерогенных наук: философии, истории и психологии. Но где находится граница этой теологической научности, т. е. как далеко

специфические требования веруемости могут быть подвержены понятийной прозрачности, оставаясь в то же время веруемостью – вот одна из центральных и трудных проблем, которая теснейшим образом связана с вопросом о первоначальном основании для единства трех теологических дисциплин.

Мы ни в коем случае не должны искать научность теологии на том пути, где другая наука служит руководящим масштабам очевидности ее доказательств и строгости ее понятий. Сообразно лишь существенно в вере раскрытому позитиву теологии не только ее к ее предмету является ее собственным, но и очевидность суждений ее специфична. Своеобразная понятийность теологии может произрости лишь из нее самой. Она не нуждается в заимствованиях из других наук для умножения и утверждения ее доказательств, она также не может употребить знания других наук, для того чтобы усилить очевидность веры или оправдать ее. Напротив, теология прежде всего обосновывается верой, в то время как ее высказывания и доказательства формально соответствуют свободным действиям ума.

И так же слабость не-теологических наук перед лицом того, что открывает вера, не является доказательством истинности веры. "Не верую" науки можно напустить на веру и наблюдать раскол неверия лишь тогда, когда уже заранее утвердилась в истине веры. Но самозаблуждение веры состоит в том, что она думает вступить в свои права перед лицом этого раскола и даже утвердиться в них таким образом. Любое теологическое познание основывается в его теологической содержательности в вере, оно возникает из веры и вновь уходит в веру.

На основе своей специфической позитивности и предписанной сообразно ей формы знания теология представляет собой полностью своеобразную оптическую науку.

Теперь возникает вопрос: как она, охарактеризованная в своей позитивности и научности, – положительная наука относится к философии?

в/ ОТНОШЕНИЕ ТЕОЛОГИИ КАК ПОЗИТИВНОЙ НАУКИ К ФИЛОСОФИИ

Вера нуждается не в философии, но в науке веры как позитивной науке. Хотя здесь вновь необходимо различать: позитивная наука веры нуждается в философии не для обоснования и первоначального раскрытия ее позитивности, христианского. Последняя обосновывает себя по-своему. Позитивная наука веры нуждается в философии, лишь учитывая ее научность; и это, конечно, хотя и фундаментальным, но все-так своеобразно ограниченным образом. Как наука теология предъявляет к себе требования ориентации и соизмеримости своих понятий с сущим, изложить которое является ее задачей. Но не обнаруживается ли сущее, которое нужно изложить в теологических понятиях, только через веру, для веры и в вере? Не является ли то, что выражается в науке веры понятийно, по существу непонятийным, необосновываемым рационально в своем содержании и не получающим рационального оправдания?

Но может существовать нечто непонятное и первоначально не доступное разуму, однако, оно не обязательно отрицает собой всякую понятийную интерпретацию. Напротив, если непонятность как таковая должна быть обнаружена как раз подлинным образом, то это происходит лишь на пути соответствующей, т. е.

понятийной интерпретации, наталкивающейся на свои границы. Иначе непонятность остается как бы немой.

Это изложение верующей экзистенции и есть дело теологии.

Зачем же философия? Каждое сущее обнаруживает себя лишь на основе предварительного, хотя и неосознанного, и предпонятийного понимания того, что такое сущее и каково оно. Любое онтическое изложение движется прежде всего и чаще всего по скрытому основанию онтологии. Может ли нечто подобное кресту, греху и т. п., т. е. все то, что откровенно принадлежит к Божественной взаимозависимости христианства, быть понято в своем специфическом что-бытии и как-бытии вне веры? Каким образом что-бытие и как-бытие этих конститутивных для христианскости понятий можно обнаружить онтологически.

Вероятно, познавательным критерием онтологически-философской экспликации должна стать вера. Может быть, именно теологические понятия полностью не поддаются философски-онтологическому осмыслению?

Конечно, мы не должны упускать из виду нечто существенное: экспликация основных понятий оправдывает себя в том случае, когда она правильно применяется, а не тогда, когда изолированные понятия эксплицируются и определяются для себя, а затем, как игральные карты, передвигаются взад и вперед.

Всякая экспликация основных понятий должна направить старание на усмотрение и постоянное удержание в уме первоначально закрытого бытийственного взаимодействия, к которому отсылают все основные понятия взаимодействия, рассмотренного в его первоначальной целостности. Что это значит для экспликации основных теологических понятий?

Мы называли веру существенным конститутивом христианского: вера – это воскресение.

Вера не производит себя саму и обнаруженное в ней не обосновывается рациональным знанием свободно опирающегося на себя разума. Но в христианском событии, как в воскресении, заложено то, что в нем снята пред-верующая, т. е. неверующая экзистенция тут-бытия. Снята, не значит устранена, а поднята в новое творение, сохранена и защищена в нем. Конечно, в вере экзистенциально-онтически преодолена пред-христианская экзистенция.

Но это, относящееся к вере как к воскресению, экзистенциальное преодоление пред-христианской экзистенции говорит как раз о том, что в верующей экзистенции экзистенциально-онтологически заключено преодоленное пред-христианское тут-бытие. Преодолевать не значит отталкивать, а взять в новое распоряжение. Отсюда вывод: все теологические понятия, взятые в своей полной региональной взаимозависимости, обладают экзистенциально бессильным, т. е. онтически снятым, но как раз поэтому онтологически определяющим пред-христианским и поэтому чисто рациональным содержанием. Все теологические понятия скрывают в себе по необходимости такое понимание бытия, которым человеческое тут-бытие обладает как таковое, поскольку оно существует. Так, например, грех обнаруживает себя лишь в вере, и фактически только верующий может быть грешником. Но если грех, который представляет собой противофеномен вере как воскресению и является поэтому экзистенциальным феноменом, должен быть изложен теологически-понятийно, то по самому содержанию понятия, а не по какой-либо прихоти теолога совершается переход от понятия греха к понятию вины. Вина же является первоначальным онтологическим

экзистенциальным определением тут-бытия. Чем первоначальнее, соизмеримее и в подлинном смысле слова онтологичнее просветлена основная интерпретация тут-бытия, чем изначальнее, например, рассмотрено понятие вины, тем однозначнее может оно фигурировать в качестве путеводительной нити для теологической экспликации греха. Но, если таким образом, в качестве путеводной нити берется онтологическое понятие вины, то именно философия первоначально разрешает вопрос о теологическом понятии. Не становится ли в таком случае теология служанкой философии? Нет. Поскольку грех не должен рационально дедуцироваться из понятия вины. Еще меньше эта ориентация на онтологическое понятие вины может указать на сам факт вины; также малоочевидно здесь и фактическая возможность греха. То, что здесь достигается и что представляется для теологии как для науки необходимым, представляет собой обретение теологическим понятием греха как понятием экзистенциальным коррекции /сопровождения/, которая необходима для него, по-своему пред-христианскому содержанию, – как для экзистенциального понятия. Первоначальное не направление /руководство/ как источник для христианского содержания мы получаем всегда только от веры. Онтология, следовательно, действует лишь как корректив онтического, точнее пред-христианского содержания основных теологических понятий. Но здесь следует обратить внимание: этот корректив не обоснован подобно тому, как физические понятия получают через онтологию природы свое изначальное обоснование, указание на полноту внутренних возможностей и, следовательно, свою более высокую истину. Корректив – это прежде всего формальное указание, иначе – онтологическое понятие вины как таковое никогда не станет теологической темой. Понятие

греха никогда не возникает из онтологического понятия вины. И все же оно является определяющим в одном направлении, а именно в том, что оно указывает на онтологический характер бытийственной сферы, в которой по необходимости присутствует понятие греха как понятие экзистенциальное.

В этом формальном указании онтологической сферы не заложена ориентация на то, чтобы измерить философией специфически теологическое содержание понятия, но на то, чтобы черпать из экзистенциального измерения веры. Итак, формальное направление онтологического понятия не обладает функцией соединения, оно представляет свободу и указывает на специфическое, т. е. сообразное с верой открытие теологических понятий. Обозначенная функция онтологии – не направление, она лишь сопровождает, она – корректив.

Философия – это формально указующий корректив онтологического, и именно пред-христианского, содержания теологических понятий.

Но к сущности философии не принадлежит то, что она является корректирующей функцией для теологии. напротив того, можно сказать, что философия как свободное спрашивание на себя ориентированного мышления выполняет задачу онтологически обоснованного направления относительно всех других, не-теологических позитивных наук. В качестве онтологии философия очевидно, дает возможность взять себя для теологии в смысле характерного корректива, если, иначе, теология должна фактически справиться с фактичностью веры. Требование же такого взятия поставлено как раз не философией, а теологией, поскольку она понимает себя как науку. Поэтому точное определение и обобщение звучит так:

философия – это возможный, формально указующий онтологический корректив оптического, точнее пред-христианского содержания теологических понятий. Философия не может быть тем, чем она и является, не фигурируя в качестве такого корректива фактически.

Это своеобразное отношение не исключает, а напротив, предполагает, что вера в своем внутреннем содержании как специфическая экзистенциальная возможность остается смертельным врагом относительно существенно принадлежащей к философии и фактически очень изменчивой экзистенциальной формы.

Так что философия вовсе не пытается каким-то способом победить этого смертельного врага! Это экзистенциальное противоречие между верой и свободным принятием всего тут-бытия, это противоречие, существующее уже до теологии и философии, до их оформления в науки, это противоречие как раз и несет возможное единство теологии и философии как наук, конечно, в том случае, если эта коммуникация хочет остаться подлинной, освобожденной от любых иллюзий и слабых попыток посредничества. Поэтому нет ничего, что можно назвать христианской философией, все это будет "деревянным железом". Не существует и неокантианской, аксиологической, феноменальной теологий, подобно тому, как нет феноменологической математики. Феноменология – лишь название для действий онтологии, которая существенно отличается от всех других позитивных наук.

Конечно, мыслитель может овладеть феноменологией в ее шагах и исследованиях, занимаясь одновременно и своей позитивной наукой. Но философское познание значимо и плодотворно для какой-либо позитивной науки, только если оно в пределах собственной

проблематики, вырастающей из позитивного осмысления оптических взаимодействий данной сферы, наталкивается на основные понятия своей науки и если оно ставит под вопрос пригодность традиционной терминологии для ставшей темой сущего. Тогда оно может спрашивать, исходя из требований своей науки, из горизонта собственных научных вопросов, находясь одновременно на границе основных понятий, спрашивать о первоначальной бытийственной интерпретации сущего, которое должно сохранить себя как предмет и стать новым.

Выросшие таким образом вопросы методически переходят за самих себя, поскольку то, о чем они спрашивают, доступно и определяемо лишь онтологически. Конечно, научная коммуникация между исследователями позитивных наук и философией не может быть уложена в твердые правила, к тому же ясность, надежность и первоначальность критики, произведенной самими позитивными науками в отношении их фундамента, меняется также быстро и многосторонне, как достигнутая и удержанная степень самопросветления подлинной сущности в философии. Эта коммуникация завоевывает и сохраняет свою истинность, жизненность и плодотворность лишь тогда, когда общий, сообразно выразившийся позитивно-онтический и трансцендентально-онтологический вопрос руководится инстинктом вещи и надежность научного текста, и когда все вопросы о господстве, преимуществе и ценности наук отступают перед лицом внутренней необходимости самой научной проблемы.

Комментарий:

"ОНТИЧЕСКИЙ" – термин происходит от "сущего", он отсылает к ограниченным субъект-объектным структурам, определяющим мир науки.

"ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ" – происходит от "бытия". Бытие, по Хайдеггеру, это то, что делает сущее сущим. Его природа трансцендентна и несводима к какой-либо ограниченной сфере сущего.

Перевод Т. Горичевой.